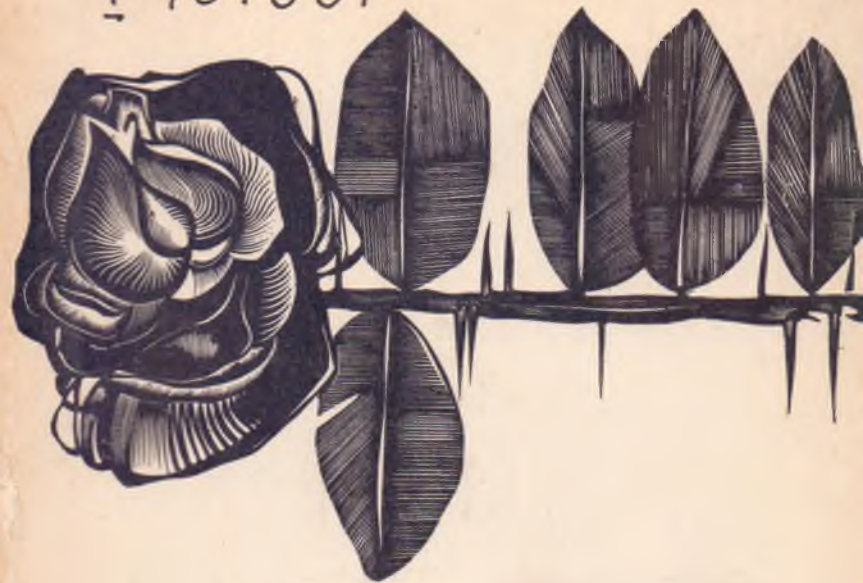

701351

АЛЕКСАНДР ЯШИН

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

I 701351

**Александр
Яшин**

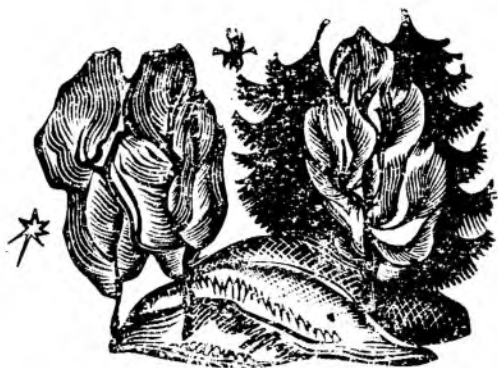

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1971

БИБЛИОТЕКА СЕВЕРНОЙ ПОЭЗИИ

АЛЕКСАНДР ЯШИН

**ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**

**АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ
ЯШИН**

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

Трудно расставался с жизнью Александр Яшин. Это было на наших глазах, на глазах его родных и близких, друзей и товарищей. Тяжелый недуг свалил поэта на больничную койку, с которой он уже не поднялся. Александр Яковлевич не жаловался на физическую боль, он превозмогал ее, как солдат, как мужчина. Не говоря о близкой смерти, но уже сознавая ее неизбежность, он горько сожалел о ненаписанных книгах, кевоплощенных замыслах.

— Годок бы еще, хотя бы один только годок, — говорил он глуховато, уже с усилием. — Прозу надо написать. Много задумано. Наброски есть. Да и стихи тоже просятся...

Обостренное чувство ответственности, я помню, поразило нас в письме, присланном в редколлегия «Дня поэзии 1968» вместо ответа на анкету о народности поэзии, о ее национальных и классических традициях. Письмо было датировано 24 апреля, то есть было написано за два с половиной месяца до смерти (скончался А. Я. Яшин 11 июля 1968 года), читал его на заседании редколлегии Евгений Храмов, читал в напряженной тишине, сильно волнуясь.

«Трудно представить себе что-либо более печальное, — писал Яшин из больницы своим товарищам, — чем подведение жизненных итогов человеком, который вдруг осознает, что он не сделал и сотой, и тысячной доли из того, что ему было положено сделать. Думать об этом необходимо с первых шагов литературной жизни. К сожалению, понимание этого к большинству из нашего брата приходит слишком поздно, когда уже разболтанность, тяга к разного рода утехам, к «клубному шмыганию» берет верх над трудолюбием, над творческой страстью».

Уже тогда эти строки воспринимались как завет. Личная окрашенность их была несомненна. Вряд ли кому придет в голову упрекать Яшина в отсутствии трудолюбия, и такое обостренное недовольство собой могло возникнуть только в предощущении смертного часа.

Человеческая и писательская судьба Александра Яшина была нелегкой, но крутые повороты ее не надломили характера этого человека, не поколебали его веры в добро и справедливость. Некоторые считали Яшина колючим, неуживчивым человеком. Он и в самом деле своей прямоотой, жестокостью суждений отпугивал людей бесхарактерных. Но вместе с этим умел высоко ценить дружбу, умел радоваться успехам товарищей, бескорыстно помогал многим из них. Увы, не все платили ему тем же.

Родился Александр Яковлевич Яшин в 1913 году в деревне Блудново Никольского района на Вологодчине. Там и прошло его сиротское деревенское детство—без отца, погибшего в первую мировую войну, в постоянной нужде, в заботах о куске хлеба для семьи, в каждодневном, несмотря на малолетство, тяжелом крестьянском труде.

Но вспоминается больше другое: то, с чем связано узнавание мира, открытие прекрасного, рождение песни.

Вероятно, для каждого любимые с детства места представляются неповторимыми. Но думается, что в отношении наших вологодских и архангельских лесов это не просто игра воображения. Таинственные волока, медвежьи буераки, жизнь среди охотников и звероловов таили в себе для детского возраста столько прелести, что, может быть, поэтому он склонен вспоминать из той поры больше хорошее, чем плохое и жестокое.

А кроме того, русский север—заповедник устной народной поэзии, край былин и сказок, хороводных, ритуальных и исторических песен, залихватских частушек и припевок. И нет ничего удивительного, что юный Яшин находится под обаянием фольклора, что первые свои стихи и даже поэмы он слагает в духе знакомых образцов народного словотворчества.

Писать он начал рано, в отроческом возрасте, а в 1928—1929 годах уже печатался в районных газетах и

журнале «Колхозник». Литературная судьба его в эти годы складывалась удивительно легко. В девятнадцать лет молодой сельский учитель Александр Яшин стал председателем созданного в Вологде оргкомитета Союза советских писателей. А через некоторое время он переехал в Архангельск, в Северное отделение Союза писателей. Здесь в 1934 году и вышла первая его книжка «Песни Северу». В том же году Яшин участвовал в работе Первого Всесоюзного съезда советских писателей и был избран членом правления вновь созданного Союза.

От такого стремительного продвижения у молодого литератора могла закружиться голова, но Яшин трезво, по-крестьянски рассудил, что главное для него теперь — учеба. Он переезжает в Москву и поступает учиться в Литературный институт, ведя одновременно журналистскую работу. О его серьезном, требовательном, критическом отношении к себе говорит и тот факт, что в течение трех лет Яшин вообще не публиковал своих стихов. Первые московские издания их относятся к 1938 («Северянка») и 1940 («Мать») годам.

Творческое развитие Александра Яшина в эти годы шло довольно типичным путем. Выходец из деревни, связанный с нею теснейшими узами, поэт тематически почти целиком подчинил себя новой деревне в пылу ее социалистических преобразований. Эта тема найдет свое продолжение в его творчестве в конце сороковых годов, в 1941 году ее прервет огненная черта Великой Отечественной войны.

В первые же дни войны Яшин был принят в члены Коммунистической партии и отправился на Ленинградский фронт. Отныне муза его сменила облачение, но и здесь, на смертных рубежах, она не потеряла своего крестьянского обличья.

Полюшко родное!
Светлый воздух.
Политая потом грудь земли.
Уцелели радуги да звезды...
Чистым полем варвары прошли.

Мы стоим — бушлаты нараспашку:
— Ничего! Крепитесь, моряки!

Час придет — возьмемся за распахку:
Нам и поле поднимать с руки.

(«Поле», 1941)

Солдатские стихи Яшина, написанные в начальный период войны, в большинстве своем посвящены тяжелым будням фронтовой жизни, воспевают героизм пехотинцев, моряков, снайперов, пулеметчиков, они призывны, мобилизованны, мужественны. Но и в этих стихах нет-нет да прозвучит тоска по мирному крестьянскому труду («Теперь бы нам поля дожидать...»).

С самого начала войны Яшин активно печатается во фронтовых газетах. Уже в 1942 году в Военно-морском издательстве выходит его книга «Красная горка. Балтийские стихи», а через год в том же издательстве — новая книга «Город гнева» с подзаголовком «Сталинградские эпизоды». В маленьком вступлении к этой книжке Яшин высказал надежду, что «зарисовки, сделанные им в ходе боев, сыграют свою роль как живое свидетельство великолепного мужества моряков Волжской военной флотилии и бойцов Сталинградского фронта».

На втором этапе войны фронтовая лирика Александра Яшина меняет свой характер, психологически усложняется. Советская Армия одерживает победы, каждый выигранный бой приближает конец войны и полную победу над врагом, — это и определяет теперь самочувствие поэта-солдата, характер его размышлений («После боя»). Во многих стихах Яшина, относящихся к этому периоду, звучит радость от встречи с освобожденной советской землей, радость победителя и истинного хозяина этой земли.

Земля моя,
В гальках, в зеленых росах,
Расправь свои плечи, живи, цвети!
Ты — наша.
Мы снова с тобой — матросы,
Да разве могли мы к тебе не прийти!

(«В Крыму»)

И вот наступил, наконец, долгожданный день победы, и, «словно в первый день творенья, приняла зерно земля». Примечательно, что, «отпраздновав» победу, освободившись нравственно от гигантской тяжести войны и военной мобилизации, выразив весеннюю радость этого освобождения, Яшин в последующие годы почти не обращается к военной теме, в то время как поэты фронтового поколения, те, которые по сути дела начинали писать на фронте, остались верны этой теме до наших дней.

Крестьянский сын, Яшин по природе своей был мирным человеком, как, впрочем, и поэты фронтовой плеяды. В стихах Яшина еще начального периода войны тоска хлебороба и строителя по своему главному делу ощущается постоянно. А для молодых поэтов того времени война стала первым и притом величайшим потрясением, возжегшим огонь поэзии. Им невозможно было отрешиться от нравственного и эмоционального опыта военных лет, по крайней мере, в ближайшие годы.

Первое послевоенное десятилетие не было самым удачным, самым благоприятным в творческом развитии Яшина. Внешне как раз все обстояло хорошо: поэт много писал и издавал, критика благоволила к нему, он не был обделен знаками высшего отличия в литературе. Но жизненные противоречия, столь резко обозначенные в военной лирике, словно бы потеряли очертания.

Новым поэтическим материком стала для Яшина тема крупных послевоенных новостроек. Многие из этих его стихотворений сюжетны, но не претендуют на конфликтность. В них запечатлены характеры строителей, молодых энтузиастов и старых, опытных мастеров, людей высокого сознания и трудового долга.

Вторая половина пятидесятых годов стала поворотной в творчестве Александра Яшина. Атмосфера общественного развития в этот период способствовала нравственному возвышению всего искусства и, может быть, в первую очередь поэзии.

Глубоко осознавая разлад между словом и делом в своей прошлой жизни и творчестве, Яшин горько переживает это, о чем свидетельствуют новые стихи поэта.

Чрезвычайно характерно для тех лет, что Яшин вновь обращается к образу В. И. Ленина. Два его стихотворения — «У кабинета Ильича» и «С годами...» (1956) — прежде всего говорят о поисках новых нравственных критериев личности. Первое стихотворение — эпизод, в котором дан один лишь штрих ленинского характера, но такой, который помнится в народе. Во втором же — прямое обобщение, где ленинский характер уже видится как идеал и прямо соотносится с моральным кодексом современника. Яшину глубоко импонирует «вдохновенный труд, и страсть в борьбе, и отзывчивость к чужому горю, и суровость к самому себе...». Отныне эти черты достаточно определенно проявятся в его лирическом герое.

В новом обращении к Ленину (первые стихи о Ленине написаны Яшиным в тридцатых годах, это хрестоматийное стихотворение «Пуговка») в ретроспекции нашли отражение поиски идейных и нравственных ориентиров, по которым можно было бы сверять курс гигантского государственного корабля на крутом повороте истории. Такова была общая тенденция в поэзии пятидесятых годов. Верность ленинскому знамени и идеалам революции были для нее мерой оценки любых деяний большого и малого масштаба.

Последние десять—пятнадцать лет явились временем расцвета лирического дарования Александра Яшина. Пристальный интерес к человеческой личности соединяется в его поэзии с пониманием глубинных процессов, происходящих в общественном сознании. Яшин и не мыслит свое существование иначе, как в постоянном, непрерываемом процессе свершения добрых дел, и если чем озабочен более всего, так это тем, что многого еще не сумел свершить. Сознание упущенных возможностей подсказало ему страстный призыв: «Спешите делать добрые дела!»

Преодоление нравственного и, стало быть, творческого кризиса связано и с обновленным чувством родины. Оно, это чувство, никогда не покидало Яшина — ни в годы всеобщего строительного энтузиазма тридцатых годов, ни, тем более, в годы великой битвы с фашизмом, — но в момент тяжелой душевной депрессии оно оказалось чудодейственным лекарством.

Спасибо тебе, Блудново,
Деревня в лесной глуши:
Я начал писать здесь снова,
А это — хлеб для души.

(«Земной поклон»)

У Яшина есть стихи о родине, написанные с эпическим размахом, но родная северная деревня Блудново, Бобришный угор возле нее, которому он посвятил книгу «Босиком по земле», рождает такое щемящее, непосредственное ощущение родины, ощущение того материального мира, с которого начинается родина, превращаясь потом уже в понятие нравственное, — как будто поэт только что открыл их для себя. Но открыл уже однажды открытое.

Здесь хата моя не с краю.
Я с детства
Не как-нибудь
Тут каждую душу знаю
И чувствую —
В этом суть.

Зимою — по снежным завалам,
Весною — по грязи вброд
Кидает меня пешедралом
На север из года в год.

И пусть иногда сурово
Встречает родная изба, —
Я тутошний,
Из Блуднова,
И это моя судьба.

Родной север, вологодские и архангельские леса, неширокая и незнаменитая Юг-река вошли в стихи Яшина как его первая любовь, первая и непреходящая. «Никакие парки Подмосковья не заменят мне моих лесов», — писал он. И еще: «Что кому, а для меня Россия — эти вот родимые места».

«Бродить по сырой земле босиком — это большое счастье!» — подытоживает свои новые ощущения Александр Яшин. А в другом стихотворении задумчиво и неторопливо убеждает себя: «Мне просто необходимо босым по земле ходить...»

Неизбывно и целительно чувство родины в русском поэте! Как только трудно и горько ему, так бежит в родные места, к своему деревенскому порогу, припадет к коленям старушки-матери, подышит воздухом степей и лесов — и отойдет сердцем, и уже снова снедаем нетерпением вмешаться в самую лихорадку жизни...

В ряде стихотворений («Лирическое беспокойство», «В М Т») остро выражено ощущение непокоя, желание перемен, желание чего-то такого, что всколыхнуло бы чувства, обожгло сердце, высекло искру творчества. В стихах Яшина живет страсть и мысль человека совестьного, беспокойного, даже, как говорят на севере, — рискованного. Недаром же в них по контрасту с тихой задумчивостью вдруг прорывается жажда опасности, риска, небывалых ощущений.

Любовь яшинского героя — это любовь зрелого и сильного человека, смело идущего навстречу ей. Но это и любовь необыкновенно трудная, осложненная такими эмоциональными контрастами, что, кажется, и представить себе трудно. В стихах о любви Александр Яшин предстает человеком тонко чувствующим, нервно отзывающимся на все перипетии этого неподвластного рассудку чувства, открытым навстречу ему и до конца честным в самых критических его ситуациях.

Михаил Светлов однажды сказал о Яшине: «Его творчество напоминает мне хорошо натопленную печь, где с каждым годом все лучше и лучше выпекается пахучий хлеб советской поэзии». Последняя книга поэта «День творенья», вышедшая уже после его смерти, лишний раз подтверждает это несколько суховатое «все лучше и лучше». «День творенья» — лебединая песня Александра Яшина. Он собирал ее долго и тщательно, многие стихи после опубликования в периодике правил и уточнял.

Но это и самая трудная книга поэта, ведь многие ее стихи написаны в предощущении близкой кончины, когда все чувства обострены предельно,

О как мне будет трудно умирать,
На полном вдохе оборвать дыханье!
Не уходить жалею —
Покидать,
Боюсь не встреч возможных —
Расставанья.

(«Отходная»)

И опять-таки это «трудно» — не боязнь физических страданий, не страх перед небытием, а прежде всего горькое сожаление о несвершенных добрых делах, о том, что «несжатым клином жизнь лежит у ног», что из прожитого уже «никаких нельзя извлечь уроков...».

Исповедальные стихи из последней книги потрясают полной обнаженностью чувства, бесстрашной искренностью.

Общий пафос стихов последних лет — это пафос преодоления боли, одиночества и победы жизни. Натура сильная и гордая, Яшин молча, стиснув зубы, перенес трагические потери близких, с таким же стоицизмом он переносил и свои болезни, и выходил из этих испытаний умудренным новым горьким опытом. Недаром же в его стихах появляется сквозной, настойчиво звучащий мотив доброты и внимания к людям, близким и неблизким, недаром и сам он ищет нравственную опору в хороших людях.

Жизнестойкий характер видится в стихах Яшина, истинно русский, с северной ломоносовской упряжкой. Житейские беды не только не сломили, но еще больше закалили его.

Лирика Александра Яшина исполнена той глубокой жизненной силы и житейской мудрости, которые и от читателя требуют полного достатка того и другого, чтобы быть «на равных» с поэтом. Яшин ведет лирический сюжет так, словно он беседует то ли с близким человеком, то ли наедине с собой, то ли в кругу друзей. Стихи его угловаты, порою даже прозаичны, но значительность содержания заставляет вас поверить, что только так об этом и можно сказать, как сказал поэт, и что это и есть поэзия.

В годы минувшей войны Яшин писал: «Война все чувства наши обострила». И если раненый воин этим до предела обостренным чувством тянется к родине,

лесной своей стороне, вызывает в воображении живые, полные движения и красок картины мирной жизни, то умудренный опытом и немолодой уже поэт шестидесятих годов достигает высочайшей точки духовной мобилизации.

Книга жизни —
Только ль слова?
Сколько лет я сижу над ней.
Пожелтели страницы в ней,
Как трава в сентябре,
Как листва.
Поседела моя голова.
Но вдвойне дается трудней
Заключительная глава.

(«Последняя глава»)

Как жаль, что заключительная глава поэзии Александра Яшина оборвалась на половине строки, но будем же благодарны поэту за то, что он оставил нам, за его жизненный и творческий подвиг.

Ал. Михайлов

I

1

«Ты проедешь волок, еще волок да
Еще волок —
Будет город Вологда.

Как подъедешь ты ко городу ко Вологде,
Где хотел царь Грозной править-володеть,
По постоям не ходи, а правь по площади
По базарной, где в продаже скот и лошади,
Где воза с ржаной соломой и сенцом стоят,
Где водой проточной бабы скот поят.
Проезжай, где горы лому, горы хворосту,
По-над речкой Золотухой прямо по мосту
По сосновому, еловому, по шаткому
Со своим конем соловым, со лошадкою.
Про Овдотью Олексеевну выспрашивай,
Все укажут, где хоромы охрой крашены.
В кружева ее хоромы вплетены,
У светелки окна в прошвах платяных.
Старопрежняя Овдотья у окна.
Мастерица-рукодельница она.
Всяку-всячину коклюшками плетет:
Косорядку, пучеглазку, волчий рот...
Пусть припомнит, как по ўтру, по росе
Мы с ней путали-мотали валансьен.
Расскажи ты ей, Овдотье Олексеевне,
Как живем мы здесь в колхозе, что посеяли.
Мол, пшеницу мы посеяли на севере,
Хорошо живем, мол, нонче, Олексеевна.

И про сына моего скажи, что знатен он...
Как живет дочурка ваша, кстати, мол?
Что хвальба, мол, это, да не похвальба,
Передай Овдотьюшке поклон от баб...»

Словно из-за моря, воротился
 Из родимой Вологды сосед.
 День за днем конца рассказам нет:
 — Город изменился,
 Обновился
 За пять лет, как будто за сто лет.

Евдокия ходит в белой блузе,
 Строгая от счастья и забот,
 Кадры мастериц в кружевсоюзе
 Обучает.
 А уж как живет!

Говорит: «Была не в чине долго,
 А теперь вот на большом счету:
 Завела сношенья со Внешторгом,
 Новую тематику плету».

Я и дочку повидал.
 У Насти,
 Прямо скажем, недоступный вид.
 Говорит: на льнозаводе мастер.
 А еще учиться норовит.

Что ей старопрежняя недоля!
 На закате, перестав летать,
 Прямо с неба к ней приходит дряля,
 До смерти готов зацеловать.

Сыну твоему привет велела
 Передать:
 «Владимиру — салют!»
 Вологда теперь разбогатела,
 Вологжане, брат, взялись за дело,
 Только окать не перестают.

1935—1936

ВОЛОГОДСКОЕ НОВОГОДНЕЕ

С новой запевкой на Новый год
Девка на лавке веревку вьет.
Косы у девки до полу, до пят,
В ковте булавки-головки горят,
Брошка на ковте, пуговики в ряд,
Цветики на ковте...
Добер наряд!
А вьюга по окнам ставнями бьет,
В ров за деревней набит сумет,
Снег повсюду — не видно дров,
И вовки воют у самых дворов.
Гавкают собаки, боров ревет...
А девка на лавке веревку вьет,
Вережку вьет да припевку поет,
Припевку-запевку на Новый год.
«Вейся-повейся, крепка, ловка,
Вейся, свивайся на смерть вовкам.
Справлю обновку, взамуж пойду —
На эту веревку лиху беду,
Чтобы свекровка была не зла,
Чтобы золовка была не в козла,
Чтоб не терять мне девичью статью,
С милым в ладу годов не считать,
Чтобы от сдобных печных пирогов
Духом парным распирало кров.
Вейся ж, свивайся...»
А вьюга ревет,
Девка на лавке веревку вьет.

1935—1936

ОЛЕНА

Что ни праздник — на угоре
Все девчата наши в сборе.

Во наряды выражены,
Парни с ними выдержанны,
Все достатки,
Все порядки
В этом выражены.

Ходят пары честь по чести,
Разговорчивые.
Городские в моде вести.
Женихи форсят: невесты
Разборчивые.

Только ахнет баян —
И Олена пляшет,
Улыбается подругам
Да платочком машет.

У Олены сарафан
Всех нарядней, краше.
Для нее поет баян,
Про нее поет баян,
Про Олену нашу.

У Олены кофта — сад,
Пуговки — росинки,
Бусы — ягоды висят,
Зреют бисеринки.

До земли свисает шаль,
Шелковые кисти.
Поглядишь — горит душа:
Очень девка хороша,
Статна, голосиста!

Приезжал один ученый
Из района.
Приглянулася ученому
Олена.

Говорит: — Нарядный вид!
Бойко пляшет.
Сарафан-то, — говорит, —
Знать, мамашин!

Достоянье старины,
Бисер-жито.
Старый Север! — говорит, —
Интересный, — говорит, —
Пережиток.

А ему Олена прямо
И сердито:
— Перестаньте, гражданин,
Городить-то!

В старопрежнее-то время
И на свадьбе
Мне бы в таком наряде
Не гулять бы.

Не гадала мама видеть
В нем и внучек.
И чему таких ученых
Только учат?!

Так отрезала ему
Складно да ладно...

Мы-то знаем, почему
Олена нарядна!

* * *

Слова-то красивого
Не подыщешь наскоро.
Как назвать мне милого
Задумшевно, ласково,

Чтобы всем понравилось,
Чтобы в песню ставилось,
Чтоб любого прѡняло,
Пело б имя дѡ неба?
Ведь не для кого-нибудь,
И дает не кто-нибудь.

Что там ни загадывай —
Лучше нету пары мне.
Приголубить надо бы,
А слова все старые.

Назову ль соколиком?
Ненаглядой?
Ягодой?
Ласково, но только
Не такое надо бы.
Долей облюбванной?
Светиком?
Касатиком?
Тоже не по-новому,
Не его касательно.
Дролечкой?

Державушкой?
Золотком? Все дешево:
Не такая славушка
У мово хорошего.

Девушек поспрашивать бы,—
Может, у подруженек
Имя подходящее
Найдено для суженых.

Или лучше вечером
На кругу с баянами
Подойти доверчиво
К самому желанному,
Прямо в сердце светлое
Стукнуться отважиться —
И слова заветные,
Может, сами скажутся.

1936

Шла я нынче займкой,
На снега глядела:
Сколько за ночь зайняка
Вывертов наделал!

У плетня у каждого,
С умыслом ли, нет ли,
Елочки обхаживал,
Затягивал петли.

А местами пустится
Через пни и кочки:
От куста до кустика
По четыре точки.

С милым я измучилась,
Слушала весь вечер:
До чего ж закручены
У милого речи!

Просто заливается —
До того хлопочет.
А о чем старается?..
А чего он хочет?..

Я сноровку дикую,
Заячью-то, знаю,
Знаю, когда прыгают
А когда петляют.

1936

МЕТА

Что со мною деется?
Сон меня сторонится;
Сущая безделица,
А какой становится!

В море вышел дролечка,
В северное плаванье,
Ножиком на елочке
Памятку оставил мне.

— Зарастет,—сказал он мне,—
Штормы не помилуют:
Не придти мне к гавани,
Не увидеть милую.

И томлюсь я, девица,
И хожу на кручи я:
Сущая безделица,
А совсем измучила.

Каждодневно заново
Надрезаю мету я.
Море океаново,
Даль—дорога светлая!

Жив ли, где он по миру
Бродит?
Молви что-нибудь!

Ходят волны по морю,
Ходят тучи по небу.

Дуют ветры свежие,
А не видно дролечку...

Неужели срежу я
Напрочь нашу елочку?!

1936—1937

ИЗ ЦИКЛА «ПЕРВЫЕ ПИСЬМА»

Елене Первенцевой

1

Как целина в цветах весны,
Как берег моря в белой пене —
Все адреса земли полны
Моими письмами к Елене.

Пусть эти письма не дойдут —
Ты все равно меня услышишь
В любой степи,
В любом саду,
В горах,
На гребнях гор
И выше.

2

День ли, ночь ли — света нет без милой.
Вспоминать, как слезы лить о том,
Как она доверчиво любила,
Осуждала и боготворила.
Плакала,
Но покидала дом.

Как, знобя, выматывая душу,
Ветер выл,
А я пытался спать.
С неба, с моря шла вода на сушу...
День и ночь смотреть в окно и слушать:
Не вернется ль?
Дверь не закрывать.

3

Ни покоя тебе, ни просто
 Тишины —
 Берега кипят,
 И вода шестибалльного роста
 Обдаёт с головы до пят.

Утром гребни белее мела.
 Скрип камней прознобит насквозь,
 Свет морской пронижет все тело,
 Ветер выстудит каждую кость.

И уже никуда — угрюмый
 Или радостный —
 Не уйдешь.
 Никуда не уйдешь от шума
 Этих волн и прибрежных роц —

Ни в ущелья Урала,
 Ни в пади
 Вологодских трущоб —
 Никуда!
 Так — от самого первого взгляда,
 Покорившего навсегда.

4

Шумит, деревья гнет гроза.
 Засну, укроюсь —
 Может статься,
 Твои любимые глаза,
 Твои улыбки мне приснятся.

И лоб, и нежная рука,
 И волосы приснятся, может, —
 Так грозовые облака
 На кудри темные похожи;

Так этот дальний свет зарниц
 И вспышки молнии по краю

Глубинный блеск из-под ресниц
Мне иногда напоминают.

В грозу, как в детстве, спится мне.
Дождям и грому нет отбою.
Я засыпаю, и во сне
Встречаюсь с прежнею тобою.

И пробужденье хорошо:
Все стихнет,
В каплях засверкает,
Как будто солнечный пушок
В прозрачном воздухе летает.

Кругом светло и широко...
Поднимешься,
Расправишь плечи,
И на душе легко, легко,
Как после настоящей встречи.

5

Ласточка, от ястреба спасаясь,
Занеслась неведомо куда.
И, со свистом воздух рассекая,
Целый день вилась над полем стая,
Не могла найти ее следа.

Где она, куда она забилась?
Ночь настанет — ласточка одна.
Землю обволакивает сырость,
Черных туч кругом нагромоздилось...
Может, в темном ельнике она?

Тишина стоит предгрозовая,
Только в небе ласточки снуют...

А в каком краю моя родная?
Где ты, маленькая, молодая,
Приклонила голову свою?

И куда пойдешь в такую пору?
Грянет гром над лесом,
Хлынет дождь...
Не метнулась бы в чужую нору.
Почему моя тебе не впору?
Разве я на ястреба похож?

Сумерки.
Тоска в душе такая,
Что часы остановили ход.
Ласточек щебечущая стая
Над землей из края в край летает
И нигде покоя не найдет.

6

Тяжело остаться одному.
Столько лет прошло — тебя все нету
Как барсук в норе, сидел в дому,
Думал: не промолвлюсь никому!
Но печаль сама летит по свету.

Предо мной земля как на виду,
Сверстники везде и побратимы,
Даже с полюсом я речь веду...
А своей любимой не найду,
Не могу найти своей любимой.

Коль одна живешь в чужом краю,
Отзовись, я клятвы не нарушу,
В прах все расстоянья разобью...
Если ж не одна, тогда мою
Отпусти на покаянье душу.

1936—1939

ПРИСКАЗКИ

Бабушке Авдотье Павловне Поповой

1

Метель вертела землю. Падал снег
То хлопьями,
То мелкий, бесноватый.
Все чаще деревянные лопаты
Прокладывали к низким окнам свет.

Чуть прояснится —
Скрипнет журавель,
Возьмут воды хозяйки из колодца,
И вновь сорвется с привязи метель,
И над лесами снова рев несется.

В такие дни закрыты все пути,
И хорошо в одном доме собраться,
Курить, да сеть артельную плести,
Да песни петь — они всегда в чести! —
С мечтой и шуткою не расставаться.

— Теперь бы нам бы чудо-сапоги,
Ковер летучий да коня-савраску,
Коня такого, чтоб сказал: беги! —
И ни тебе дороги, ни пурги,
Хоть до Москвы —
Ни холода, ни тряски.

— Авдотьюшка,
Давай, родная, сказку!

И, продвигаясь за сосновый стол,
Довольная,

Что вновь ее почтили,
Авдотья начинала:
— Жили-были...

А снег все шел.
И мужики курили.

2

Медведь лежал на берегу реки,
Лениво лапой рыбу выгребая,
И свеживал ее и ел,
Живая,
Широкая, зажатая в клыки,
Хлестала рыба зверя по глазам.
Рычанье разносилось по лесам.

Охотники подкрались с трех сторон.
Договорились: чтоб не портить шкуры,
Стрелять лишь двум.
Но не таков был бурый:
Лишь за семь пуль расстался с жизнью он.

Уже впотьмах спешили к шалашу,
К огню, к вину, к медвежьему борщу.

Тайга уснула.
В темные лога,
На просеки плашмя упало небо.
За мясом рысь пустилась,мышь за хлебом,
Сова за мышью...
Ожила тайга.

И до чего ж была пестра, остра
Охотничья побаска у костра!

Девушка спустилась под откос
 С золотой косой густых волос.
 Под косынку косу убрала,
 На стальную косу налегла
 Да прошла береговой косой
 По зеленой по траве с косой,
 Полосой прошла не раз, не два —
 Прослезилась росой трава.

Далеко от дома сенокос.
 Для бригады надо хлеба воз;
 Две недели надо спать в лесу,
 По утрам сбивать с травы росу,
 В полдень сено теплое грести —
 Вёдренной поры не упустить.
 Ночью отдыхает молодежь —
 Но без сказки разве отдохнешь?

У лесной избушки дым и гам.
 Лягут косари у очага,
 И тайга замрет, и дым замрет:
 Все глядит седому деду в рот.
 Складно врет в делах бывалый дед:
 Лыко в строку —
 Слово слову вслед.

И пойдут по лесу лешаки,
 Опираясь на кушаки,
 Вилами азямы повязав,
 Ноги в руки,
 На ремень глаза,
 Дальнюю дорогу на плечо...
 Дед их знает всех наперечет.
 Машут в соснах лешаки кольем...
 Было все.
 Да поросло быльем.

Все заснут, придвинувшись к костру,
Лишь не спит бывальщинка в бору,
Складная, как песня на пиру, —
Носа не просунуть комару.

* * *

Так по суземам Юга и Двины,
И в клубах новых,
И в домах старинных,
Окуренные на века в овинах,
Живут поныне сказки и былины,
Бывальщины,
Побаски старины.

Они, как взлет натруженной мечты,
Как дым костра, пьянят и согревают...
Все лето
По всему родному краю,
Набрякшие, скрипя, плывут плоты.

И на любом, — необходим, как свет,
И обожаем, словно бог удачи, —
Артельный сказочник, кудесник дед,
На весь сезон подряжен и оплачен.

Игольчатая, с блестками свинца,
Струит Двина просмоленные воды.
Плывут плоты при всякой непогоде—
Им нет конца.
И сказке нет конца.

Она шумит, как в ясный день тайга,
Течет рекой, то солнечной, то мгlistой,
В узорчатых,
То низких, то скалистых,
Травой и мхом расшитых берегах.

Я до утра порой не мог заснуть
У бабушки.
Чего в тех сказках нету!
День наступал. Душа тянулась к свету.
Наставь, родимая, на светлый путь!

1937—1939

Никогда так низко не свисали
Наливные яблоки в саду.
В жизнь свою так парни не плясали.
Как плясали в нынешнем году.

На угоре павами по кругу
Плыли девушки в красе-басе:
Выбирайте по сердцу подругу!..
Но плясали парни, да не все.

Не для всех роса была душиста,
Шелковисты травы на лугу.
Самого лихого гармониста
Не было со всеми на кругу.

Полуночь в чугуна не отстучали
С каланчи, знакомой искони, —
Он ушел один в тоске-печали,
Голову на рёсстани склонил.

И над полем, над тайгой-лесами
В первый раз в предутренний туман
Всеми бархатистыми басами
Загрустил его большой баян.

Как решетка тын стоял поодаль.
Сквозь решетку он смотрел во тьму.
Может, друг руки ему не подал?
Изменила девушка ему?

Может, просто парню не поется?
Не судите:
Даже на пиру
Всё порой кому-нибудь взгрустнется;
Сосны тоже разные в бору.

Пальцы еле клавишей касались...
А на что уж было веселей:
В жизнь свою так, верно, не плясали,
Как плясали ныне на селе.

1937—1939

ВЕСЕННЕЕ

Я даже сна лишился, я тоскую.
А это значит, что в родном краю,
В родных лесах тетерева токуют,
Медведь берлогу развалил свою

И вышел в чащу, разминая плечи,
И жмурится —
Вокруг еще бело.
Он, верно, ждет со мною новой встречи,
Держа клыки и когти наголо.

И я зажмурюсь и услышу ясно
И сосен стон густой,
И взлет стрижа.
Запахло мхом и ягодой...
Напрасно
Меня ты хочешь дома удержать.

Поедем вместе к волокам сосновым,
В малинники, в морошковый завал,
К кудесникам,
К никольским звероловам,
Где даже Пришвин, верно, не бывал.

Пройдем пешком тропинкою лесною
К живой воде,
К былинному ключу.
Зверья боишься?
Славившей со мною,
Какой медведь тебе не по плечу?!

Раскинем полог у начала сказок,
Чтоб их целебным воздухом дышать.
Охотничьи побаски и рассказы —
Они из мертвых могут воскрешать.

Котомки сами просятся на спины.
Уже сквозь стены проникает свет...

Далеко где-то зацвели рябины,
За Вологдой,
А мне покоя нет.

1939

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Лежал песок, и солнце пекло
Рыхлое желтое темя,
Щепотку одну запаляли в стекло,
И вот:
Земля измеряет время.

Завод у часов на минуты — не дни,
Но время под нашим началом:
Стечет песок — часы поверни,
И станет конец
Началом.

И кажется мне, что и я таков:
Вечером еле сидишь на стуле,
Свалишься, будто мертвый, без слов,
А утром поднимешься — жив-здоров,
Словно перевернули.

Может, и смерть такая придет:
Друзья наготовят тесу,
А смерть тебя, как часы, повернет —
И снова несутся за годом год,
И нету тебе износу.

1939

ПУГОВКА

В доме окраинном, при свече,
У самоварной трубы,
Вздыхая,
Бабушка ласковая, седая
Детям рассказывает об Ильиче,
Всякую мелочь припоминая.

— Видела, милые вы мои,
Видела!
Руку ему пожала.
Тут вот, к примеру, Ильич стоит,
Рядышком — этак вот — я стояла.

Он обещал приехать к семи,
Ждать на заводе с полудня стали.
Мне поручили:
«Пальто прими!..»
Нашего люду полнехонько в зале.

Ленин в озябшие руки подул,
Мокрою кепкой хлестнул по колену,
Скинул пальто и повесил на стул.
Я подхватила — и марш за сцену.

Пóлы раскинула на столе:
Вычищу, мол, пока выступает...
Чищу и вижу:
На левой поле
Средней пуговицы не хватает.

Думаю: вождь, а пуговики нет!..
Я отпороть от жакетки решила
Да толстой ниткой — на много лет —
На Ильичево пальто пришила.

Свою пришила. От всех тайком.
А пуговики были разного сорта:
Моя — не гладкая, с ободком,
И потемнее, — меньше потерта.

Много ли мало ли дней прошло,
Топаю раз за Неву на рынок
И замечаю:
Во все стекло
С облика Ленина новый снимок.

В длинном приметном своем пальто...
Я пригляделась:
Скажи на милость!
Вижу: потертов... самое то...
Черное...

Сердце мое забилося,
Остановилась, сама не своя,
В стекла дышу, припала к витрине:
Пуговка — самая та, моя,
С левого боку, посередине...

Гляну тихонько на Ильича —
Он улыбается: что, мол, хитрить-то!..
Вижу, вся тайна моя открыта:
Значит, заметил, только смолчал,
Что пуговка-то моя пришита.

Так-то, ребятушки!..
А зимой,
Той же зимой Ильича не стало.

Я принесла тóт снимок дóмой,
Рамку хорошую я достала.

Плачу стою, сама не своя.
Умер?
Не верю, горем убита.
Ленин! Ильич! — говорю.
А — моя,
Пуговка-то моя пришита..

1939

1

Мороз расписал оконные стекла,
И сказочной стала моя изба.
Пред этой искусной работой поблекла
Резьба по костям, по бересте резьба.

На темном стекле, что на негативе,
Как перья фазаньи, лежат штрихи.
Что, если б не таяло!
Диво на диве:
То горная круча, то речка в разливе,
То звезды, то ласточки, то лопухи.

Не этой ли индевью, росписью этой
Кудесников Палеха дышит кисть?
Взгляни на узоры морозные к свету,
В пушок, в завихрения эти взглядишь.

Тоскуешь о море —
Увидишь море,
О доме тоскуешь —
Увидишь дом:
Уставшую мать в цветастом уборе,
Старинный колодец на сельском угоре,
Четыре березы под самым окном.

Грустишь, что навек расстался с любимой, —
Глаза ее хлынут в сердце твое,
И станет она ощутимой и зримой,
А ветер, а вьюга, летящие мимо,
Напомнят и голос грудной ее.

Дивлюсь на стекло, поднявшись с рассветом,
И не дыша стою перед ним...
Не так ли читаем любимых поэтов:
Находим все,
Что найти хотим.

2

Нам бы жить с тобой до седины
Где-нибудь в бору на юру,
На медведя один на один
С топором ходить поутру:

Иль, потуже стянув пояса,
Молотами пудовыми бить;
На плечах поднимать леса;
Нам бы лес вековой рубить,

Так земны мы и широки,
Ладно скроены да крепки.
Наши плечи что косяки,
Что булыжники кулаки.

Для чего ж нам сила дана?
Мы затворниками живем —
Дым столбом
И ночи без сна...
А еще говорят: поем!

Выйти легкие освежить,
Спину выпрямить недосуг...
Но гляжу на тебя, мой друг:
Разве можно иными быть?

Пробиваясь сквозь штормы, лед,
Чтоб открыть хоть клочок земли,
Хоть вершок —

Ледокол и тот
Иногда ломает рули.

Нет, не лишнее для певца —
Плечи грузчика, грудь бойца.
Хорошо с любой стороны,
Что такими мы рождены.

1939

СОСНА

С головы зелена,
Стволом красна,
Высока, стройна
Растет сосна.
Как невеста на выданье
На большом пиру, —
Лучшей не видано
Во всем бору.
Иглами вышила
Неба треть.
Всем она вышла —
Любо смотреть!
Каких только ягод
Нет под сосной!
Здесь белка-летяга
Гостит весной.
Здесь тетерев грузный
Бруснику ест,
Здесь влажные грузди,
Маслята есть.
Здесь все для соленья
И все для варенья —
Хоть целым селеньем
Живи, ночуй!
А мох для оленя —
Ешь не хочу!
Сколько же дереву
От роду лет?
А столько лет,
Что и счету нет.
Но топор ссечет,
И вот он — счет.

1939

ЗАРЕЧНАЯ КРАСАВИЦА

Шел к подружке парень вечером
За реку
По лаве перекошенной,
Сапоги скрипучие на нем,
Поясок малиновый, неношенный.

Шел и думал:
Встретит, прибежит,
Изловлю веселую за лапушки...
А река возьми да покажи
Камушки ему со дна и ракушки.

Засмотрелся, словно не видал,
Грохнулся со всей своей обновой.
Хохотнула хитрая вода
И накрыла голову бедовую.

Девушка милого заждалась,
Стала думать всякую напраслину,
Причесалась, в ленты убралась,
Нарядилась в кофточку атласную.

А не видно милого дружка.
За водой пошла,
Глядит: под лавою
На воде-реке от пояска
Кисточки малиновые плавают.

Вскрикнула и ринулась в дол,
На берег тропой, росой вечернею,

Подоткнула ситцевый подол
И давай реку ведром вычерпывать.

Разливает воду по лугам,
А сама клянет реку, горюшица:
— Чтобы этим желтым берегам
На тебя, коварная, обрушиться!

Стой, как лужа старая, мутна,
Тухлой рыбой в заводях запружена.
Чтоб тебе, неладная, ни дна,
Ни покрышки
За разлуку с суженым.

Как тебе не жить без ключевой
Без воды,
Не шириться, не вырасти,
Так и мне, сиротке, без него,
Без любимого,
И дня не вынести...

Вычерпала девушка реку,
Иль река не стала худо славиться,
Но погибнуть милому дружку
Не дала заречная красавица.

Пронесла его через овраг,
Уложила на траву
Под кленами...

Если б жены нас любили так,
Нас водою не разлить бы с женами.

1939—1940

ЗВЕРОЛОВ

Рыжий парнище сел на пенек,
Семечки жареные шелушит.
Сосны шумят промеж двух дорог.
Складный да ладный такой паренек:
Руки —
Медведя за горло душить

И корчевать на нови пеньки,
Ноги — по мерке сапог не найти...
Как опаленные мотыльки,
С губ на траву шелуха летит.

Он неподвижен,
А перед ним,
Косы развеяв по ветерку,
Девушка — белое с золотым —
Белкой сидит на низком суку.

— Ах, — говорит, — до чего ж он мил! —
(И зверолов глаза опустил.) —
С вами не страшно,
За вашей спиной
Я бы смеялась над сатаной.

Вы сатану согнете в дугу.
Ну, поведите ж меня в тайгу,
В выломки, в глушь, под хвойный навес,
Это же вотчина ваша — лес.

Рыжий чуть слышно шепчет:
— Ага! —

Роет песок носком сапога,
Перестает шелушить меледу
И отвечает:
— Не поведу!

Но продолжается разговор.
— Слышала, вы по родне — помор.
Вам сызмалетства своя — волна,
Кровь ваша, как волна, солона.

В море, когда зашумит прибой,
В море возьмите меня с собой,
Не подведу вас, не осрамлюсь!..
Парень, потупясь, мычит:
— Боюсь!

Девушка смотрит ему в глаза
И удивляется: вот бирюк!..
Мимо, треща, летит стрекоза,
Дикие пчелы гудят вокруг.

Как этот увалень ей смешон:
Жметса, краснеет средь бела дня.
— Что вам бояться?
Такой большой!
Ну, поведите в горы меня.

Там, говорят, и медведи есть,
Ходят к подножью малину есть.
Горные склоны в густом хмелю...
Может быть, там я вас полюблю...

У зверолова дрожит рука.
Смотрит на девушку:
Как легка!
В пуговках вся, в стеклянном огне...
И не сидится ему на пне.

Если теперь пареньку запеть —
Склонится бор, засвистят стрижи;
В чащу пойти —
Никакой медведь
Лучше и глаз ему не кажи.

Так у него вся душа горит,
Словно кто шепчет ему:
— Не трусь!

Долго на девушку он глядит
И говорит ей:
— Тебя боюсь!

1940

II

Не позабыть мне первых схваток,
Разбитых сел, дорог в крови,
Ночей под кровом плащ-палаток,
Как первой не забыть любви.

Все шло не так, как представлялось,
Как в книгах вычитал, —
Не так.
Все было ново: дождь, усталость,
Разрывы мин и рев атак.

Заране знать хотел, бывало,
Как поведу себя в боях:
Не осрамлюсь ли поначалу,
Не заберется ль в сердце страх?

И, убедившись, встав под дула,
Хлебнув и гула и огня,
Что сердце не захолонуло,
Кровь не свернулась у меня,

Что я ни в чем других не хуже,
Переношу тяжелый путь, —
Я затянул ремень потуже
И широко расправил грудь.

Конечно, стало представляться,
Что ты храбрейший из солдат:
Конечно, все тобой гордятся,
На одного тебя глядят.

С тобой — удачи и победа,
Поешь и ходишь как во сне.
Кто эти чувства не изведal,
Тот просто не был на войне.

1941

ПОЛЕ

О поле, поле!
Пушкин

Где конец его и где начало? —
За два дня вокруг не обойдешь.
Рожь лежит: не ветром укачало —
Танки с глиною смешали рожь.

Здесь они, склонив стволы, стояли,
Как слоны в озерных тростниках,
Только птицы к ним не подлетали,
Не роились мухи на боках.

Трупы, загнивающие в яме,
Ржавые винтовки и штыки,
Желтый ров с размытыми краями,
Словно русло высохшей реки.

Гильзами забитые окопы,
Черепки яичной скорлупы,
Проволокой спутанные тропы
И, как трупы, желтые снопы...

Полюшко родное!
Светлый воздух.
Политая потом грудь земли.
Уцелели радуги да звезды...
Чистым полем варвары прошли.

Мы стоим — бушлаты нараспашку:
— Ничего! Крепитесь, моряки!
Час придет, возьмемся за распашку:
Нам и поле поднимать с руки.

1941

ТОВАРИЩУ ПО ОКОПУ

Теперь бы нам поля дожинать,
Зерно по лоткам ссыпать в закрома,
На свадьбах гулять,
Ягнят свежевать,
До холодов утеплять дома!..

И здесь чужаки косачи.
Теперь бы нам ходить на тока,
Под вечер огонь разводить в печи
И молча греться у огонька.

Но мины, мины свистят вокруг,
Война занесла над нами кулак.
Так пусть же погибнет заклятый враг!
Лежи, мой друг, не робей, мой друг,
Не отступай, мой друг, ни на шаг!

В Москве не достроены корпуса;
Мы, школ не окончив, пошли в поход
За эти березовые леса,
За нашу свободу,
За свой народ.

Фашисты любят брать на испуг —
Стреляют не целясь, ползут в дыму...
Сдержись, мой друг,
Подпусти их, друг,
И молча укладывай по одному!

А доведется — на штык бери,
Пусть видят, от чьих умирают рук!

Ах, до чего разошлись глухарки!..
Вон враг опять...
Приготовься, друг!

1941

РУССКИЕ МЫ

Ливень смывает с деревьев пыль,
Демаскирует автомобиль:
Черные лаковые бока
Снова заметны издалика.
Я покрываю его попоной
Темно-зеленой,
Из веток сплетенной,
И оставляю в лесу, в стороне —
Я не ропщу на дождь на войне.

Полеи ползем,
Ложимся в окоп.
В каждом окопе соломы сноп.
Из-под соломы забили ключи,
Грязь проступила...
Лежи, молчи!
Пусть, размывая стенки окопа,
Речки кричат о начале потопа,
Кости норд-ост продувает мне —
Стужа меня не страшит на войне.

Кашляем мы,
Но холоду рады,
Только б врагам не давал пощады.
Пусть они ждут, как смерти, зимы.
Сами все вынесем:
Русские мы!

Пишет подруга из Сталинграда
О голубых вечерах в степи.
Нам ничего голубого не надо,
Мы говорим друг другу: «Терпи!»

Пусть в эту осень не будет света,
Теплого вечера,
Бабьего лета,
Солнца, которое я воспевал,
Только бы враг наш околевал!

Топи да будут непроходимы,
Небо нелетным, черным от дыма,
В полночь глухую —
Беззвездным, безлунным,
В полдень — знобящим, низким, чугунным.
Пусть оно будет тогда голубым,
Когда победим.

1941

ШИНЕЛЬ

Эх, шинель моя, шинель!
Длинная, походная,
В слякоть осени, в метель
Теплая и модная.

Черная,
Просторная,
Ладная,
Нарядная,
Краснофлотская подруга —
Шуба ненаглядная.

Три кармана, две полы,
Пуговицы в золоте,
Якоря на них светлы,
Как закаты в Вологде.

Грязь к тебе не пристает.
Полюбил тебя народ.
За одну шинель
Матроса
В гости девушка зовет.

В чистом поле и постель,
И шатер — моя шинель.

Если надо, в жгут свернется,
На ночевке вытянется,

Ветер грянет,
Дождь польется —
Ты моя спасительница.

Мало дюжину штиблет
Изорвешь за пару лет,
Даже танк броню меняет,
А тебе износу нет.

Неужели ж, неужель
Я сниму свою шинель?

Может быть, и в самом деле
Как закончится война,
Без шинели
По панели
Поведет меня жена?

Нет, покуда войны есть,
На земле смертей не счесть, —
Не снимать своих шинелей
Мы почтем за долг и честь.

1941

ВЫСОТА

Волжские в дымке степной места,
Желто-зеленые редкие травы.
Очень красивая высота
В двух километрах от переправы.

Утром прозрачные облака
Ветер над самой вершиной гонит.
Как на ладони отсюда река,
Город рабочий — как на ладони.

В полдень безветренный сводят с ума
Запахи чёбра и молочая.
А у подножья — балки, дома,
Крики летящих над Волгой чаек.

А у подножья — дубы, ручей,
Заячьи тропки и птичьи гнезда.
В тихом теченье летних ночей
Виден струящийся лунный воздух.

Все в незапятнанной чистоте,
Словно бои здесь не проходили, —
Небо без копоти,
Ветер без пыли...

Но у меня на той высоте
Брата родного немцы убили.

1942

ТЕЛЕГРАММА

Прямо с корабля, из-под огня
Посылает милый телеграммы:
«Помни тчк люби меня
зпт приезд не за горами».

Не успею разобрать одну —
Посылает срочную другую:
«Жив здоров любимую жену
обнимаю зпт целую».

День вожусь и ночью не засну,
Над секретом голову ломаю:
Тчк... — наверно, про войну,
Зпт... — убей, не понимаю.

Почтальон, наверное, учен.
Прямо на квартиру прибегаю,
Говорю:
— Товарищ почтальон,
Телеграмму вот не понимаю!

Подаю последнюю ему,
Прочитал старик, промолвил:
— Фу-ты!..
Ничего, молодка, не пойму,
Телеграф, наверное, напутал.

Что целует — каждый разберет.
Зпт, — по-моему, — на запад.
Мол, на запад двинулись, вперед...
Я — домой, давай ответ царапать.

Значит, устояли морячки,
Повернули изверга, погнали!
Даже почтальонские очки
Мне какими-то родными стали.

На большом на розовом листе
Написала молнию такую:
    «Зпт, любимый, зпт,
    жду с победой скорою, целую».

1942

ПОЛЕ БОЯ

Над пшеницей стаи птиц,
Конопля с вороньим граем,
Свет без края, без границ —
Это полем называем.

Есть другое:
Рвы в пыли,
Да огонь на суходоле,
Гром от неба до земли,
Стон и кровь...
А тоже — поле.

Можешь землю не пахать,
Не косить, не жать ты волен:
Будет цвести и вызревать
Без тебя ржаное поле:

Ни на чей удел заказ
В нашей жизни не положен.
Но на поле боя должен,
Должен ты побыть хоть раз,

Испытать солдатский труд,
Да поспать в корнях у ели,
И когда потоки льют,
И когда метут метели,

Чтоб по-новому любить
Все, чем с детства мы богаты,
Чтобы жизнью дорожить,
Знать ей цену,
Как солдаты.

1943

КАНАВА

Через сколько-то годов,
Проходя по вешним травам,
Ты увидишь в поле ров,
Нет, не ров — скорей канаву

Неширокую, в цветах,
Затерявшуюся где-то
Справа — в соснах и кустах,
Слева — в сизых волнах света.

Хоть на вид она чиста —
Не ходи канавой босым.
Пусть трава сочна, густа —
Не коси, сломаешь косу.

Под дерном и ныне есть
Среди кашки и метелки
Гильзы рваные, и жечь,
И снарядные осколки.

В этом поле битва шла.
Кровь лилась, земля дымилась,
Рожь в свой срок не зацвела,
И трава не уродилась.

Над канавою постой,
Припади к равнине ухом,
Подыми патрон пустой,
Может, гром дойдет до слуха.

Может быть, еще огонь
В этой ржавчине таится,
Может быть, твоя ладонь
Жаждой мести загорится.

Не отец ли твой лежал
Здесь, с винтовкой и лопатой,
И не он ли тут сорвал
Рубчатый чехол с гранаты?

И не тот ли бугорок,
Став горой на поле боя,
Для тебя его сберег,
От свинца прикрыл собою?

1943

НЕ УМРУ

Когда я раненый лежал в пыли,
Страдая от удушливого жара,
Не отличая неба от земли,
Артиллерийских залпов от кошмара,

И ни стонать, ни говорить не мог, —
Тогда прямой, с пушистой желтизною,
Откуда ни возьмись, степной цветок
Виденьем детства встал передо мною.

Что я припомнил в этот миг?
Леса,
Деревни, в палисадниках рябину,
Под солнцем поле спелого овса
И матери натруженную спину...

Что я услышал?
Дробный стук колес,
Крик петуха на просмоленной крыше,
Шум светлых сосен и жужжанье ос,
Раздольный звон бубенчиков услышал...

Ах, родина, лесная сторона!
Как все стократ для сердца стало мило —
Брусника в чашах,
Рек голубизна, —
Война все чувства наши обострила.

Просторны тесом крытые дворы,
В холмистом поле широки загоны.

Как многолюдны свадьбы и пиры,
Как сарафачы девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!

Моторы в сизых ельниках стучат,
Плывет над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок.

А сколько зверя, сколько птиц в бору...
И потому, что всё перед глазами,
Не дрогну я в сражениях с врагами,
Земли родной не выдам:
Не умру!

1943

* * *

Назови меня именем светлым,
Чистым именем назови —
Донесется, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденье за явь приму.
Хлынь дождем на шумную крышу,
Ночью ставни открой в дому.

Пуля свалит в степи багровой —
Хоть на миг сдержи суховей,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду — теплом повеи.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны —
Я почувствую,
Оживу.

1943

Очень много солнечного света,
Над землей стоит голубизна.
Мнится мне: в сиянье разодела,
Изнутри земля освещена.

Над высоким берегом пушинка,
Как звезда далекая, плывет,
Солнцем смотрит каждая былинка,
Каждый камень, кажется, поет.

Мимо сосен, и дубов, и туи
С сизых скал срываются ключи,
Водопад — светящиеся струи,
Солнечные брызги и лучи.

Золотыми, зыбкими столбами
С облаками лѣс соединен.
Над морским раздольем,
Над песками
В миражах высокий небосклон.

Очень много солнечного света,
Будто счастьем все озарены.
Думаю:

        таким — зимою? летом? —
Будет окончание войны.

Заблестят слезинки на ресницах,
Флаги, флаги вскинутся вдали,
И в твоей улыбке отразится
Все сиянье неба и земли.

1943

Хмелит не бражный полдень, не вино.
Могу ль тобою, светлой, не гордиться?
В твоё ветрам открытое окно
Глядится небо и не наглядится.

Пройдешь по снегу — и растает снег;
Шумят ручьи, побеги прорастают,
Черемухи у затененных рек
Перед тобою головы склоняют.

Смеяться станешь — зацветут цветы,
Взгрустнешь — росой покроются долины.
Вся — сказка ты,
Вся — сновиденье ты,
В сиянье дивном — вся запев былинный.

В какой бы дом далекий ни зашла,
Везде своя ты,
Всем равно родная.
Твоим друзьям под солнцем нет числа,
Поет весь лес, тебя, как день, встречая.

Кто мог услышать голос твой хоть раз,
В тяжелый час обрел твоё участие
И заглянул в глубины синих глаз,
Тот знает радость,
Знает силу счастья.

Все небо светлым полымем полно,
В лесу лучится каждая вершина.
Ты и Россия — для меня одно.
Любовь моя верна и нерушима.

1943—1944

В КРЫМУ

Земля тосковала по русской речи.
Два года была в огне и в дыму.
Враги, все живое перекалечив,
Учили ее языку своему.

Но грянул суд.
Расстреляв дозоры,
Мы закрепились на берегу,
И, боже мой, как засияли горы,
Какой по ущельям понесся гул!

Горячий песок скрипит под ногами,
Вода в борта корабельные бьет.
Земля, что лежит еще за холмами,
Зовет нас к себе, торопит вперед.

По желтому скату,
По кочкам зеленым
Бегу к родниковой воде во рву,
Как на свиданье мальчик влюбленный,
И падаю, радуясь, на траву.

Все необычно, для сердца ново
От серых долин до сизых высот.
И ветер каждое наше слово,
Как откровение, вдаль несет.

Поднявшись в рост на камне лобастом,
Приветствую:
«Здравствуй, родная земля!»

И горы мне отвечают:
«Здравствуй!»
И низко склоняются тополя.

Кричу в озаренные днем просторы,
Напоминаю родные слова:
«Огонь!»
«Огонь!» — отзываются горы.
«Москва!» — кричу,
Повторяют:
«Москва!»

Земля моя,
В гальках, в зеленых росах,
Расправь свои плечи, живи, цвети!
Ты — наша.
Мы снова с тобою — матросы,
Да разве могли мы к тебе не прийти!

Уже из пещер, из ущелий и гротов
Выходит на солнце родной народ.
«Вперед!» — кричат моряки и пехота.
И горы, как гром, повторяют:
«Вперед!»

1944

ОСИНА

Осина ты, осина,
Проклятая лесина:
Гнилая сердцевина,
Тряпье — не древесина.

Дрожишь, как дунет ветер,
Краснеешь с первой стужей,
И нет на целом свете
Тебя, осина, хуже.

Под рельсы не положишь,
Хоромы не построишь.
Копейку, не дороже,
И в лютый холод стоишь.

Дрова хоть и сухие,
Да все одно плохие:
Ни пламени, ни жару,
Ни угля к самовару.

Но хоть один покуда
На свете есть иуда —
Нужны под небом синим
Русские осины.

1944

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ

Над малой землею красный флаг,
Далёко сегодня разбитый враг.

Вхожу на землю на Малую,
На талую,
В боях бывалую.

Это не остров:
Земля узка —
Кусочек травы, полоска песка,
Израненный локоть материка.

И не поселок, не город она.
Станичка была — огнем сметена.
На ровной поляне щепы одна.

Границы траншеями обведены.
Пять линий окопов в рост глубины.
Пять линий окопов,
Короткие тропы,
Разбитые крылья
И ржавые стропы.

Завалов
        петля
Две земли разделяла.
О Малой
Большая земля тосковала.

Но Малой земли уже нет давно,
С Большою слили ее в одно,
И я не увижу ее никогда:
Спокойно о берег плещет вода.

Я был в Ленинграде,
Потом в Сталинград
Война меня бросила: я солдат.
А жаль, что я не на каждый порог
Как вестник свободы явиться мог.

Земли обездоленной каждую пядь
Хотелось бы мне самому вызволять.
И видеть хочется всей душой:
Сольются—настанет же день такой!—
Все малые земли с нашей Большой,
Как малые реки с большой рекой

1944

НЕ РАЗУЧИЛСЯ ЛЬ ХОДИТЬ ЗА ПЛУГОМ

Скоро ли буду в родном лесу,
Ягод наемся,
Увижу косого,
В старый слопец изловлю лису,
Тues ершей принесу из ночного?

Скоро ли буду в родном доме —
Издали встретят четыре березы, —
Скоро ли мать и сестру обниму
И обмахну их горькие слезы?

Всех увидеть,
Обо всем расспросить,
Полям пройти, поздороваться с лугом!..
Не разучился ль траву косить?
Не разучился ль ходить за плугом?..

1944

Здесь орудийные раскаты
Не нарушали тишины,
В полях посевы не примяты,
Селения не сожжены.

Березы светлые, густые,
Не тронут бор — к сосне сосна,
И если есть стволы кривые —
Их покривила не война.

Но на какой дороге слезы
Осенним утром не лились,
В какой избе, в каком колхозе
Армейской клятвой не клялись?

В конторе, отшвырнув костяшки,
Уставший за день счетовод
Березовою деревяшкой,
А не ногою о пол бьет.

Не знали здесь неволи горькой,
Враг не был в этой стороне,
Но председатель — в гимнастерке,
Он не забудет о войне.

За полночь ляжет, первым встанет,
А на поля с людьми пойдет —
Он в душу каждому заглянет,
Как будто в бой ведет народ.

1944

ХМЕЛЬ

Миновали дни страды,
Было попито воды!
Кто осудит раз в году
Пиво-брагу на меду?!

По деревне ходит хмель;
Под ногами пыль-метель,
Шелком шитая рубаха —
По подолу канитель.

Ходит важно, ходит гордо,
Хоть и горд, а не спесив,
На ногах стоит не твердо,
Но зато медоречив.

К палисаду прислонился,
Песню-складку затянул,
К молодежи прицепился
И старушке подмигнул.

— У меня во флоте сын,
У меня в пехоте сын.
Дома бабы, — я над ними
Генерал и господин.

В сарафане ходит хмель:
По плечам — косы кудель,
Широченные воланы —
Золотая карусель,

Молодица под хмельком
Расшалилась с пареньком,
Расшалилась, раздурилась —
Что за грех, скажи на милость!

— Ходит хата, ходит печь,
Заводи, гармошка, речь!
Топну раз — цветы раскину,
Топну два — косынка с плеч...

Из конца села в конец
С песней бродит молодец.
Жеребец прошел в упряжке —
Захлебнулся бубенец.

— Председателю правленья
Мой почет!
— Мое почтенье!
— Как живем?
— Куда с добром:
Целый день без году пьем,

Загуляла молодежь,
Потому что хлеб хорош,
Ну, а мы по-стариковски
Пьем за здорово живешь.

Ходит, ходит, ходит хмель,
Из-под ног пылит метель,
У ограды засыпают
Два Ивана, пять Емель...

* * *

Если б ты в реку упала
Я бы достал до дна,
Мне и морского вала
Сутемень не страшна.

Если б в тайгу, в берлогу
Зверь тебя уволок,
Я бы нашел дорогу
Даже из ста дорог.

К девятиглавому змею
Я бы просек пути,
Даже из рук Кассея
Смог бы тебя спасти...

В реку ты не упала —
Тут ни при чем вода:
В сердце ты мне запала.
Мне — не тебе беда.

И глубоки ли реки!
Сердце не им под стать:
С этого дна вовеки
Мне тебя не достать.

1945

ХОЗЯЕВА

Ребятишки слушают урок,
Удивленно вскинуты ресницы,
Будто вдруг раздался потолок
И кружат над партами жар-птицы.

Карандаш цветной засунув в рот,
Девочка сидит — не шелохнется.
Мальчик рядом с нею то вздохнет,
То счастливым смехом засмеется.

Карте школьной тесно на стене.
Костылем по ней учитель водит.
Говорит он о родной стране:
О горах, с которых снег не сходит,

О краях, в которых нет зимы,
О земле, где не бывает лета,
Где в медвежьих шубы и в пимы
Даже в мае детвора одета.

Говорит о северных ночах —
От рассказов вьюжным ветром веет.
Гимнастерка на его плечах
Вологодской хвоей зеленеет.

Он за земли эти воевал, —
Вся шинель осколками пробита,
Каждый куст от немцев защищал,
Каждый куст ему служил защитой.

В Ленинграде мучила цинга,
На Кавказе малярия била.
Горный Крым,
Карельские снега
Молодость его исколесила.

Зверем в дебрях,
Золотом в горах,
Рыбою в морях страна богата...

Слушают учителя ребята —
Жажда ненасытная в глазах.

Напрягая память, морща лбы,
Замерли, скрестив босые ноги.
Видятся им дальние дороги,
В небо уходящие столбы.

Дым войны, над фабриками чад...
Подрастут—родимый край подымут,
Власть над недрами земными примут.
Ветры, водопады приручат,

Верно, будут на луну летать —
Время сказкам былью становиться...

Реют, реют над столами птицы
Золотые — глаз не оторвать!

1941—1945

ОТПУСКНИК

Отпуск дали от войны
Лишь на три недели.
До родимой стороны
Он добрался еле.

Как завидел речку, лес,
Сердце защемило:
До чего ж покойно здесь,
Все как в детстве было!

Он решил, что о войне
Вспоминать не будет,
Отоспится в тишине, —
Кто бойца осудит?

Но соседи в тот же день
Встретились на сходке,
Из соседних деревень
Подошли молодки.

И, развесив на стене
Карту полушарий,
До полночи о войне
Вел беседу парень.

На заре второго дня,
Только встал с постели,
Подают ему коня
Из другой артели.

А потом в райком и в рик,
В школах тоже встречи...
Все хотят, чтоб фронтовик
С ними пробыл вечер.

В сельсовете пленум шел.
Едут за солдатом:
— Хоть на часик сядь за стол,
Будешь делегатом.

Приглашали — исправлял
Мельницы ручные,
Сотни писем написал
В почты полевые.

Да случилось под конец —
Как? — и сам дивился, —
В Зою Павловну боец,
В доктора влюбился.

Походили по лесам,
Постреляли уток.
Не по дням, не по часам
Жили — по минутам.

И минуты сочтены...
И шутили люди:
— От любви, не от войны,
Отпуска не будет!

1944—1945

ДЕТСТВО БОЛЬШЕГЛАЗОЕ

Берег звали гиблым и нечистым местом.
Рассказали малому:
Вот недобрый след —
Миром похоронена грешная невеста,
Голова бедовая, ей прощенья нет.

Кто ее ни сватал, толку не добился:
Не было насмешниц злее на веку.
А желанный парень на другой женился.
И метнулась девушка с берега в реку.

Целый день по росам,
По речным покосам
Бегали подружки, чтоб ее найти.
Бедную зарыли под крутым откосом
За пеньком еловым на краю пути.

Показали малому на могильный холмик,
Напугали до смерти у гнилого пня;
Если грешен, малый,
Если конь не кормлен,
Здесь не проберешься, выпрягай коня!

* * *

Детство большеглазое, пуганое, где ты?
Вся земля исхожена и заселена.
Знаю: бога нету!
Знаю: черта нету!
За моей спиной не одна война.

Я опять на родине.
Стреляный, бывалый.
Нет, не постарел я.
На душе легко.
Узнаю березки, еду по увалам.
Вот и пень. Целехонек!
Холмик над рекой.

Самый тот! И вздрогнул я.
Верьте иль не верьте:
Гордый и недавно с фронта, из огня,
Испугался холмика пуще лютой смерти,
Хоть читай молитву, выпрягай коня.

Давят страхи старые, задрожали ноги...
Что это такое?
На себя сержусь.
Ручеек хохочет посреди дороги.
Стыдно и неловко. А чего боюсь?

Если б это в детстве, да в полночной чаще...
Но — в зените солнце,
Заводи в огне,
Берег настоящий,
Ветер шелестящий,
И березки в пояс кланяются мне.

1945

* * *

Весна по всем дорогам,
По всем фронтам идет,
На севере далеко
Яснеет небосвод.

Над лесом пух летает,
И в солнце вся земля.
Оно огнем играет
Над башнями Кремля.

Оно в глазах оленя
И на его рогах,
В морской зеленой пене
На крымских берегах.

Сно на горных скатах,
На скалах, на песке,
На диске автомата
И на живом цветке.

У нас земля такая:
Просторна синева,
В горах — вода живая,
В лугах — разрыв-трава.

Березоньку наклонишь —
Весь лес шуметь начнет,
Кого из нас ни тронешь —
Поднимешь весь народ.

1945

ДАЛЕКИЕ ПОХОДЫ

Желтые дороженьки,
Далекие походы.
Ноженьки вы, ноженьки,
Ботинки-сороходы!

Дубленные, солдатские, —
Шнурки в пыли багровой,
Подошвы ленинградские,
Уральские подковы.

Низы, лощины грязные,
Болото на болоте,
Завалы непролазные, —
А вы себе идете!

А вы себе шагаете
И удержу не знаете,
И горы вам не горы,
Озера не озера.

Дорог и троп исхожено —
Самим не надивиться.
Но нам было положено
Пройти по заграницам.

Над Польшей, над Румынией
Все шире небо синее.
Встречали нас со славою
Юнаки Югославии...

Пылят, пылят дороженьки,
Шумят речные воды.
Ах, ноженьки вы, ноженьки,
Ботинки-сороходы!

Суконные обмотки,
Железные подметки!
Земля вовек не видела
Уверенной походки.

1945

* * *

Каждый год весна как чудо,
Но такая в первый раз.
Словно ветры отовсюду,
Новизна пьянила нас.

Соков раннее движенье
Вдруг ускорила гроза,
И, как в первый день творенья,
Солнце вскинуло глаза.

Вся земля пропахла бором
Да травой луговой,
Переполнились озера
За селом водой живой,

За ночь выгнало побеги...
Долгожданный грянул час:
О победе, о победе
Весть, как песня, разнеслась.

Как на праздник, все селенье
С песней вышло на поля.
Словно в первый день творенья
Приняла зерно земля.

1945

САМА ПОБЕДА

По селу в обгон, вприпрыжку,
Взбудоражив весь народ,
Пробежали ребятишки
С криками:
— Идет! Идет!..

— Далеко ли он? —
Дома
Окнами захлопали.
И пошла
Кутерьма.

Вот уже сошел с холма,
Вот он катит по полю.
Пыль как дым,
И гром гремит
Над лесными далями...

Кто-то издали кричит:
— Гусеничный!
«Сталинец»!

Мир!
И тракторы опять
В села стали поступать.

Он пронесся вдоль селенья
У народа на виду,
Встал под окнами правленья —
Новенький, послевоенный,
Первый в нынешнем году.

Даже солнце из-за туч
На него скосило луч.

Тракторист привстал с сиденья.
Встреча? Что же, так и след!
— Добрый день!
— Мое почтение!
Потрястись для развлечения
Есть охотники иль нет?

Ребятишки — всей оравой.
И пошло пылить шоссе...
— На какую скорость ставить? —
Отвечают:
— Ставь на все!

* * *

Стол — самым на удивление,
Словно это складчина:
Есть соленье, и варенье,
И печенье, и копчение —
Всякая всячина.

Тракторист — посередине,
Как для свадьбы разодет.
Перед ним вино в графине,
Для других покуда нет.

Флотский китель сбросив с плеч,
Председатель держит речь:

— Дорогие граждане,
Поздравляем каждого:
Жизнь на мирный курс легла
И для нашего села.
На коровах? Да, пахали!

Нам свобода дорога.
На себе пахать бы стали,
Только бы разбить врага!..

И звенели ложки,
Чугунки и плошки.
— Да хлебните ж хоть для виду
С холодка окрошки!..

Задушевная беседа
Не вином хмельна была.
— Это к нам сама Победа
Нынче, граждане, пришла.

1946

СОЛДАТСКОЙ МАТЕРИ

Евдокии Григорьевне,
моей матери

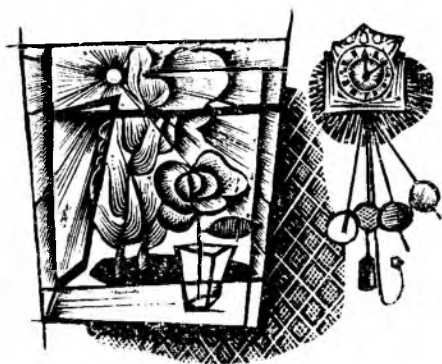
Нет, не вернется мой брат с войны.
Что нашей матери в горе поможет?
Может, слова совсем не нужны,
Просто поплакать лучше, быть может?

Дружен, широк был семейный стол,
Правильной жизнью жили ребята.
Мама! Ты знаешь, за что он шел
И почему стал храбрым солдатом?

Легкого счастья на свете нет,
Все окупается потом, кровью.
Пусть в твоём сердце не гаснет свет,
Не оскудеет душа любовью.

Имя тебе — солдатская мать.
Слезы и боль с тобой разделяя,
Знаю, как трудно сына не ждать,
Верю и в силу твою, родная.

Перед бедой не согнем спины.
Вспять не пойдут широкие реки.
Русская ты...
И твои сыны
Крепостью родины будут вовеки.

III

МИХАИЛУ ПРИШВИНУ

1. СОСНОВАЯ ГРИВА

Бор как озеро в разливе,
Избы хвоей занесло.
На юру крутом, на гриве
Наше дивное село.

Дикий хмель и можжевельник,
Сенокосы с двух сторон.
Сслнцем даже темный ельник
В заовражье озарен.

В теплой зелени дороги,
В ручейках пологий скат,
И везде, стройны и строги,
Сосны светлые в обхват.

Не руками пусть, так песней,
А без песен не живем,
Мы до звезд, до поднебесья
С нашей гривы достаем,

2. ВЕЛИЧАЛЬНАЯ

Не сломалась моя рогатина,
И на праздничный круглый стол
С волокнистою медвежатиной
Подает хозяйка котел.

Храбрецу поют величальную.
Что ж, по рюмке за храбреца!
Но потом по стакану чайному
За умелого кузнеца!

Расстаюсь, не скупясь, со шкурою —
Пусть лежит у его стола:
Не свалить бы мне нынче бурого,
Если б сталь не прочна была.

1945—1946

* * *

Что-то есть в тебе очень хорошее.
На цветной сарафан гляжу —
Словно в юности по некошеным,
По заречным лугам хожу.

Очень свежие, очень милые
Губ приподнятые уголки.
Вологодскою веет силою
От большой, без колец, руки.

Под окошком проходишь рослая...
По душе мне такая стать.
Поглядеть на тебя, светлокосая, —
Как на родине побывать.

1945—1946

* * *

И что из того, что уходят года
И не было в жизни спокойного дня,
Что стали страшить дожди, холода!
Как солнечный свет, как живая вода,
Твоя любовь для меня.

А горе бывало так велико —
Размолвки, обиды давили грудь...
Но как это все теперь далеко!
Да разве живая вода легко
Давалась кому-нибудь?!

1946

О ДРУЖБЕ

Печальна участь одинокого,
А нелюдимого — вдвойне
Во время странствия далекого,
В дни испытаний,
На войне.

Пусть радости необычайные
К тебе вдруг хлынут на порог —
Покажется еще печальнее,
Что ты друзей нажить не смог.

Все не под силу:
Дом не выстроить,
Хорошей песни не сложить,
В нужде и в горе дня не выстоять —
Как без друзей на свете жить?

1946

ЭЛЕВАТОР

Он, как скала, в степи стоит,
Вся степь вокруг видна.
Пшеница на холмах шумит,
И на него, как на гранит,
Надеется она.

Церквушку сгорбили века —
По купола в земле.
А он с осанкой маяка
И входит — солнцем в облака —
В пейзаж родных полей.

Лишь раз в предзимье примет он
Поток машин, подвод —
А поезда со всех сторон
За хлебом, словно на поклон,
К нему идут весь год.

Ночами от его огней
Светло в краях глухих.
Что непогодь такой броне?
Немало крепостей в стране,
И он — одна из них.

1946

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Бсей семье как сбор назначен,
Только скатертку постлатъ.
В каравай, еще горячий,
Входит нож по рукоять.

В пожелтевшей гимнастерке
С краю сам большак сидит.
Чуть похрустывает корка,
Духовитый пар валит.

— Ну, — сказал он, — по потребе
Начинайте в добрый час!
Полной мерой нынче хлеба
Выдает земля для нас.

Золотистые горбушки
Срезал: это для детей.
Наособицу старушке
Вынул мякиш из ломтей.

Скосок свой, усы поправив,
Крупной солью посолил.
Всей своей семье и славы
И здоровья посулил.

И еще промолвил слово:
— С хлебом горе не беда! —
Не забудьте, мол, какого
Стоил этот хлеб труда!..

1947

ПЕРВЫЕ СТИХИ

— Начинайте! — приказал начальник,
Высадившись на берег с отрядом.
На костер поставлен первый чайник.
Первый груз немудрый сложен рядом.

Первая раскинута палатка,
Первая проторена тропинка.
Врезалась железная лопатка
В глубину прохладного суглинка.

Далеко внизу осталась Волга,
Катерок под соснами качало.
Первого рабочего поселка
На горе положено начало.

Где-то отгружались пилорамы,
Шли водой бульдозеры и краны,
Тысячи машин не за горами;
Создавались чертежи и планы.

А пока — топор да рукавицы,
Сухари да рыбные консервы...
И кругом непуганные птицы.
Всходит солнце...
День творенья первый.

Ночью в недостроенном бараке
Плотник — сам себе на удивленье—
На чертежной написал бумаге
Первое свое стихотворенье,
Первое о стройке сочиненье.

Рифмы шли из будущего сами,
Парень не выдумывал:
Плотина...
Котлован...
Портальный кран...
Турбина...
Электричество над Жигулями.

Ничего пусть не было покуда,
Но вставала стройка, как живая,
Явью вдохновенной, а не чудом,
С первых дней к поэзии взывая.

1951

УЧЕТЧИЦА НА ЛЬДУ

Кажется, что трескаются горы,
До того погода холодна.
Возят камень в проруби шоферы,
Девушка ведет промерку дна.

И один кричит ей:
— Героиня,
Подними повыше воротник
Да смахни с лица колючий иней! —
Героиней окрестил шутник.

Никуда не деться от поземки,
Ветер все живое леденит,
Наступают хмурые потемки —
Девушка с тетрадкой стоит.

Валенки, платок и полушубок,
Даже брови снег запорошил.
Пальцы пишут, но застыли губы:
Думать можно,
Говорить нет сил.

Трудно шоферам на гидрострое —
Вдруг осядет под машиной лед!
Вот они действительно герои,
Дружный и выносливый народ!

Знатные — со стажем и умением.
А она пришла почти ни с чем...
С удивленьем,

С гордостью,
С почтеньем
Девушка относится ко всем.

Журналист подъехал на машине
И, на льду увидев самосвал,
Посидел с водителем в кабине,
Что-то в свой блокнотик записал.

Отгородим перемычкой воду,
Да умолкнут взрывы на горах,
И расскажет он всему народу
О подрывниках, о мастерах...

Холодно.
Невмоготу моторам.
А на льду мороз вдвойне остер.
Реже стали прибывать шоферы,
Разложили плотники костер,

Все геологи пошли погреться...
Ну, а ей-то можно иль нельзя?..

Завистью не тронутое сердце,
Ясные и чистые глаза!..

1951

ШЛЮЗ ОТКРЫТ

Уже заканчивалась работа,
Над башней победно зажглась звезда,
Уже в заградительные ворота
Стучала мутной волной вода.
В железобетонной камере шлюза
Уже зачистили дно с утра,
Остатки всякого лома и груза
Кран торопливо нес на-гора.
Не раз у створа в верхнем канале
На глубину ходил водолаз.
А мы почти дышать перестали,
С командного пункта не сводим глаз.
И вот над мостиком,
Над парапетом,
Как светлая музыка разнеслась,
Призывно и громко:
«Открыть клинкеты!»
И полилась вода, полилась.
Пошла, голубушка, закипела!
В решетке гасителя бился вал,
Разгоряченный,
И белый-белый,
И загудел весь шлюз, как Дарьял.
Казалось, к ногам строителей шлюза
Потоком пенистым с высоты
Летели из всех уголков Союза
Цветы черемух, яблонь цветы.
А той порой из-за поворота,
От Дона,
Где морем стала вода,
Уже подтянулись к входным воротам
И в очередь выстроились суда.

1952

ИЗВЕЧНОЕ

Да, я не знаю другой такой,
Чтобы навеки — по сердцу.
Так почему же в душевный покой
Входит разноголосица?

Так почему же по целым дням
Наш разговор не вяжется,
Все что-нибудь мерещится нам,
Все что-нибудь да кажется?

«С кем говорил?»
Да «К кому ходил?»...
Это ж обидно, милая!
Если бы вдруг человек остыл,
Разве удержишь силою!

Радость не в радость, коль веры нет,
Страхи да подозрения.
И канитель эта много лет
Тянется без изменения.

Надо, чтоб на сердце был покой,
Чтоб никогда постылая
Ревность не трогала нас с тобой...

А почему ты сама домой
Поздно вернулась, милая?

1952

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Может быть, доведется снова
Разлучиться нам на года.
Я хочу, чтобы это слово
Ты запомнила навсегда.

Понимаю, решиться можешь
И сама на любой поход,
Но ведь нет ничего дороже
Материнских твоих забот.

От родного угла далеко,
Как случалось порой и нам,
Брать нелегкой жизни уроки
Приведется моим сынам.

Раздели с ними корку хлеба
И последний глоток воды,
Научи их под стылым небом
Не страшиться любой беды,

Не сгибаться и не ломаться,
Честью смолоду дорожить,
Правдой нашей не поступаться
И родную землю любить.

За детей и за все в ответе,
Укрепим мы свои сердца.
Только б выросли наши дети —
И не будет жизни конца,

1951—1954

СУДЬБА

А мы с тобой всегда вдвоем —
И в Вологде,
И на Алтае,
В лесах, в степях;
Где ни бываем —
Одними чувствами живем.

Верны своим родным местам,
Но кажется порой обоим,
Что будто и родились там,
Где познакомились с тобою.

Ведь даже ливень — не гроза
Без молнии, без озаренья,
Так мне нужны твои глаза
Для каждого стихотворенья.

От самых первых встреч нигде
Не существуем друг без друга,
Мой добрый друг,
Моя подруга
Не только в счастье — и в беде.

Не это ли и есть судьба?
Ей благодарен вечно буду.
Ведь даже, если нет тебя,
Мы вместе все равно повсюду.

1954

Тянет в простор полей
С каждой весной упорней.
Все-таки на селе
Все мои корни.

Там, средь лесных берлог,
Я возмужал и вырос,
Первый страх превозмог,
Первое горе вынес;

К трактору привыкал,
Свыкся с порой страднью;
Там в первый раз припал
К речке с живой водою.

Все на земле родной
Мне лишь на пользу было:
Грудь не спирало в зной,
В стужу не леденило.

Что там ни говори,
Мне не заменит город
Ясной, в хлебах, зари,
Ягодного косогора.

Снова издалека
Манят и лес и поле.
Пусть на моих руках
Будут гореть мозоли.

Пусть в самый зной работ
На поле хоть однажды
Губы опять сведет
От нестерпимой жажды.

Хочется самому
Тяжесть весны изведать
Там, где в пыли, в дыму
Делается победа,

Где и моя целина
Вспашки ждет и расцвета...
Так принимай, весна,
Пахаря и поэта!

1954

УТРОМ НЕ УМИРАЮТ

Даже представить трудно,
Как я смогу опять
С вечера беспробудно,
Без сновидений спать.
Страшно, что сил не хватит
Выдержать до утра.
Сядьте на край кровати,
Дайте руку, сестра!
Все, кто болели, знают
Тяжесть ночных минут...
Утром не умирают,
Утром живут, живут...
Утро раздвинет стены,
Окна откроет в сад,
Пчелы из первой смены
В комнату залетят.
Птицы разбудят пеньем
Всю глубину двора,
Чей-нибудь день рожденья
Будут справлять с утра.
Только бы до рассвета
Выдюжить как-нибудь...
Утренняя газета
В новый поманит путь.
Да позвонят из дому,
Справятся:

«Как дела?»

Да навестит знакомый...
Только бы ночь прошла!
Тени в углах растают,
Тяжесть с души спадет.
Утром не умирают —
Солнце начнет обход!

1954—1955

ТОЛЬКО НА РОДИНЕ

Да, только здесь, на севере моем,
Такие дали и такие зори,
Дрейфующие льдины в Белом море,
Игра сполохов на небе ночном.

Нехожеными кажутся леса,
Бездонными — озерные затоны,
Неслыханными — птичьи голоса,
Невиданными — каменные склоны.

Здесь, словно в сказке, каждая тропа
Вас к роднику выводит непременно.
Здесь каждая деревня так любя,
Как будто в ней красоты всей вселенной.

И уж, конечно, нет нигде людей
Такой души и прямоты, и силы,
И девушек таких вот, строгих, милых,
Как здесь в лесах,
На родине моей.

Но если б вырос я в другом краю,
То все неповторимое,
Как чудо,
Переместилось, верно бы, отсюда
В тот край другой —
На родину мою.

1955

ОРЕЛ

Из-за утеса, как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.

А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда,
Широкими кругами,
Не торопясь, ушел за облака.

Быть может, дробь совсем мелка была —
Для перепелок, а не для орла?
Иль задрожала у стрелка рука
И покачнулся ствол дробовика?

Нет, ни дробинки не скользнуло мимо,
А сердце и орлиное ранимо...
Орел упал,
Но средь далеких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

1956

О НАСУЩНОМ

Что за нелепое утвержденье!
Я отвергаю с негодованьем,
Будто весна лишь время цветенья,
Будто бы осень — пора увяданья.

Свежему хлебу дивлюсь, как чуду,
Не уставая дивиться буду —
Нет ничего красивее в мире
Этой поющей, бескрайней шири.

В теплом, хрустящем хлебном прибое
Тонет и тает горе любое.
Осень такая, что душу греет.
Верится — люди станут добрее.

Станут мои земляки сердечней,
Нет, не беспечней,
Но человечней,
Непримиримы к любым недугам,
Будут горой стоять друг за друга.

Радуюсь новой своей победе,
Не забывают, друзья, соседей!
Если беда с кем-нибудь случилась,
Не обходите, сделайте милость!

Хлынет зерно дождем изобильным —
Пусть станет каждый щедрей от счастья:
Робкий — смелым,
А слабый — сильным.

Пусть не кичится начальник властью,
Помнит, что он лишь слуга народа,
Не по анкетам о людях судит...
И богатеть будем год от года,
Каждая осень праздником будет,

1956

ПОКАЗУХА

(Письмо из родной деревни)

Прочитали мы рассказ —
Все про нас да про нас,
До того наглядно,
Складно —
Прямо слезы из глаз.

Прочитали стихи —
И стихи
Неплохи.
Просмотрели кино —
И в кино
Все одно.

Как на выставке дома —
С росписью,
Точеные:
Не дома,
А терема,
Крыши золоченые.

Под конторой — особняк,
Ресторан —
Не чайная,
Не ларек —
Универмаг.
Все необычайное.

Заведенья скотные
Все подряд добротные,
Просто любо взглянуть:
Не какие-нибудь,
А высотные.

По загонам табуны —
Рысаки
Да скакуны;

Гладкотелы,
Быстрокрылы,
На бегах проверены.
Ни одной простой кобылы,
Мерины
Похерены.

А колхозники живут —
И не курят,
И не пьют,
Не ревнуют
Не скучают,
Только книжки читают,
Только песни поют.

Все сознательные
И красивые,
Показательные
И счастливые.

Что ни день — гуляния,
«Волжские страдания»,
Свадьбы да потехи.
И в соревновании,
Что ни день — успехи.

Все коровы — рекордистки,
Все девчата — трактористки,
Все молодки — депутатки,
Все в довольстве
И в достатке.
Образцовые порядки,
Как во всякой сказке-складке.

Вот какая жизнь у нас,
Прямо — слезы из глаз.
Тишь да гладь,
Достигли цели,
Все имеем, что хотели,
Больше не о чем тужить.

Нам бы в этой артели
Хоть денек пожить!

1956

ТВОЯ РОДИНА

Все испытала, все превозмогла —
Года тяжелых рукопашных схваток,
И выстрелы врагов из-за угла,
И длинные хвосты у продпалаток.

«Великая!» — мы говорим о ней,
Даем присягу в верности сыновней
И воспеваем с пристальной любовью
Березки, речки, ширь ее полей.

А все ли помним
И всегда ль
                    о том,
Что родина была, и есть, и будет;
Не только реки, горы, отчий дом,
Не просто небо и земля,
А — люди?

Все те, что рядом, под боком у нас,
И далеко,
                    чужие нам по крови,
И все они нуждаются подчас
В тепле, в участие,
В братском добром слове.

С любим ты мог служить в одном полку,
Делиться на походе сигаретой,
В далекой стороне, как земляку,
Поверить душу...
Как забыть об этом?

С ГОДАМИ...

Стали мы внимательней и строже
Жизнь сверять с безмерностью мечты,
Все ясней с годами, все дороже
Ленинского облика черты.

Из всего, что ныне вспоминаем,
Возникает, как родник, чиста,
Не парадная, не напускная,
Человеческая простота.

На миру, с народом повседневно,
Он и спорить, и шутить любил,
Был с людьми не просто задушевым —
Сердцем до любого доходил.

Мог неслышно появиться в зале,
Где-то в крайнем посидеть ряду.
Ходоки его одолевали —
Всяк свою выкладывал беду.

Ненавидя ханжество отроду,
Презирая болтовню и спесь,
Он делил с народом хлеб и воду
И хвалился только тем, что есть...

1956

* * *

В несметном нашем богатстве
Слова драгоценные есть:

Отечество,
Верность,
Братство...

А есть еще:

Совесьть,
Честь...

Ах, если бы все понимали,
Что это не просто слова,
Каких бы мы бед избежали!
И это не просто слова.

1957

МОСКВА—ВОЛОГДА

С каждым часом ощутимей север,
Остановки реже,
Гуще лес,
Пахнет смолкой вперемежку с сеном,
И все больше узнается мест.

Торопясь, схожу на полустанке,
Словно на приветный огонек,
Чтобы взять за рубль у северянки
Влажной клюквы маленький кулек.

Для меня все ягоды здесь сладки.
И приятно и смешно, что их
Продают в листочках из тетрадки
Иль в обрывках «Жития святых».

Замелькали топкие болота
С голубыми окнами озер,
Наконец — подъем за поворотом,
И пошел густой сосновый бор,

Строевой,
В косых лучах по пояс,
Золотом пронизанный насквозь...
Словно к морю вдруг пробился поезд,
Даже небо выше поднялось.

Дома я!
На все гляжу с любовью,
Радостно от птичьих голосов.

Никакие парки Подмосковья
Не заменят мне моих лесов.

Радуюсь обновам животворным —
Домнам,
Трубам, влитым в синеву,
Плеску волн на море рукотворном,
Лесосекам с грохотом моторным...
И одним все —
Нежным и просторным,
Добрым словом Вологда зову.

Дома я!
И сердце бьется с силой!
Мимо, мимо за верстой верста...
Что кому,
А для меня Россия —
Эти вот родимые места

1958

БЕССОННИЦА

Кто он — мой дорожный сосед?
Лысоватый,
Розоволицый...
Почему не потушит свет?
Что так долго ему не спится?

Чем встревожен и возбужден?
Может быть, за всю жизнь впервые
Из столицы направлен он
На далекую периферию?

Или сам бежит от жены,
От приевшихся разносолов
В край неподнятой целины,
В мир романтики
И новоселов?..

Выпил водочки,
Снял пиджак
И, согнувшись, дымит, вздыхает.
А ведь, кажется, всяких благ
И здоровья ему хватает.

Золотые часы на руке,
Снежнобел воротник рубашки,
Словно сбруя на рысаке,
В блестках шелковые подтяжки.

Громыкает вагон,
Будто вскачь —
Не по рельсам —
Поезд несется...
Может быть, мой сосед — «толкач»,
А «толкнуть» не все удастся.

И от мелких забот,
От хлопот
Даже за полночь нет спасенья?
Может, совесть его грызет?
Иль спешит он на важный слет
И обдумывает выступленье?

Иль в торговой служит сети —
И едва припадет к подушке
Как встают на его пути
Роковые
«Утечки», «усушки»?..

Нет, не просто на свете жить.
Чтобы ночью спалось спокойно,
Надо день провести достойно,
Не корысти —
Людям служить.

Не лукавить,
Не предавать...
Не стихи же он ночью пишет?
— Вы бы, право, ложились спать!
Но молчит сосед,
Как не слышит.

За окном мелькает луна.
Спутник мчит по своей орбите.
Что еще вам?
Чего хотите?
Доброй ночи!
Спокойного сна!
Спите! Спите!
Спокойно спите!
И колеса стучат:
«Спите! Спите!»

Но и я не смыкаю глаз:
Мало ль что на душе творится,
Что припомнилось в поздний час...
Ой, как многим людям у нас
По ночам еще плохо спится.

1958

Вводил, так сказать, в заблуждение...
Но вот что заметить прошу:

Я сам себе верил при этом,
Впадая почти в забытие,
Как верят одни лишь поэты,
И в том оправданье мое.

1958

Я давно на родине не был,
Много в сердце скопил тоски.
Вьются ласточки в синем небе —
Реактивные «ястребки».

Потеснило утром туманы —
И село открылось вдали.
Над Москвой возвышаются краны,
Здесь — колодезные журавли.

Гонят скот на лесные заимки
Босоногие пареньки.
Как речные трамваи в Химках,
Басовито мычат быки.

За домами, в конце порядка,
Ближе к берегу Юг-реки —
Молодежная танцплощадка,
А для школьников — Лужники.

На ветру многоцветные шали,
То косынка, то сарафан,
Будто флаги на фестивале
Всех великих и малых стран.
Рад всему, что впервые вижу.
Парни наше село порой
В шутку сравнивают с Москвой:
Дескать, только дома пониже
Да, конечно, асфальт пожиже, —
Больше разницы никакой.

1958

Такое, что душе не мило,
Чего нельзя себе простить.
Что, к сожаленью, в жизни было,
Хоть не должно бы вовсе быть.

Нередко правдой поступался,
Не делал все, что сделать мог,
И обижал,
И обижался,
Помочь хотел, а не помог.

Дурным поступкам нет забвенья
Да и прощенья нет,
Когда
Их судишь сам без снисхожденья,—
На свете горше нет суда.

1958

ПУСТЫРЬ

Сколько лет мы видим этот дом —
Ни куста, ни деревца кругом.

Своего соседа не пойму.
Как же так:
Весь век в своем дому,
На земле родной,
Землею жить —
И не знать ее, не полюбить?
Очень занят?
Некогда ему?

Хоть бы раз он руку натрудил:
Если ни цветов, ни деревца,
Хоть бы редьку, что ли, посадил,
Вырыл бы канавку у крыльца:
В дождь не лужи были бы—ручей...

Самых правильных его речей
Не могу дослушать до конца:
Вдруг встает перед глазами дом
И пустырь...
Сухой пустырь кругом.

1958

* * *

Весна — куда ни кинешь взгляд.
В ночь вызвездило, приморозило,
А днем, как много раз подряд, —
Что ни поток, то водопад,
Любая лужа будто озеро.

Хоть на день каждый ручеек
Сравняться с речкою пытается.
Уже и зелень пробивается...
Что нового?
Да ничего!
Все ежегодно повторяется.

И птичий свист среди лугов
Любого умиляет умника,
И синева без берегов,
И над рекою рев гудков...
Где ж откровенье?
Где изюминка?

Чем вас порадовать, друзья?
Что описать вам? —
Все извечное...
Но я готов с утра до вечера
Сидеть у шумного ручья,
Хоть и смотреть как будто нечего.

1958

ЮГ-РЕКА

Я услышал песенку с эстрады
Про свою родную Юг-реку
И недоуменья и досады
Отвести от сердца не могу,

Мол, не широка, не знаменита,
Ни в одну поэму не вошла,
Словно и доныне не открыта
И течет, как сотни лет текла.

Спели песню, не передохнули.
Следующий номер — циркачи...
А ведь жизнь мою перевернули —
Хоть из зала голосом кричи.

Никому я в счет обид не ставил,
Все ж позвольте молвить земляку:
Что же я и делал, коль не славил
Светлую, как слезы, Юг-реку!

1958

ЧУДО-САБЛЯ

Подарил я родному сыну
Чудо-саблю:
— Носи, пострел! —
С полчасца он ее вертел,
А потом сломал и откинул,
Словно палку простую откинул,
Не заплакал,
Не пожалел.

Мне бы в детстве саблю такую,
Чтоб по росту и по руке,
В золоченых ножнах,
Кривую,
С красной кисточкой на шнурке!

Неожиданную обнову,
Как награду бы, я берег,
С ней носился бы по Блуднóву,
Под собою не чуя ног.

И учил бы, пусть неумело,
Босоногих своих друзей,
Как стоять за правое дело,
Вызволять из беды людей.

Не давал бы своих в обиду.
А друзья у крыльца гурьбой
Утром ждали бы:
Скоро ль выйду
И когда поведу их в бой.

Может, вся бы жизнь по-иному
У меня с той поры пошла
И любовь моя к отчему дому
Не такой бы грустной была...

Нет, не сабли сломанной жалко
Я встревожен, что мой сынок
Ничего, кроме крашеной палки,
В этом чуде увидеть не смог.

1958

ПО СВЕЖЕМУ СНЕГУ

Гудит вологодский льнокомбинат,
Зовет на работу вагоноремонтный,
И галки — дымком по всему горизонту,
Как будто у них воздушный парад.

Хрустит под ногами сухой снежок.
Еще не светает, еще не пригрело,
Еще не восход,
Но от тысяч ног
На улицах словно бы потеплело.

И мне пора.
Одеваюсь, бегу,
Соседа бужу,
— Торопись, ровесник!
Счастливое утро —
Со всеми вместе
Ложится мой след на свежем снегу.

1958

ВСЕ МОЖЕМ

Порой поскитаешься
Вдали от Москвы
И сам похваляешься:
— Вот мы каковы!

Моря рукотворные
Шумят там и тут,
Отрогами горными
Плотины встают.

Все можем:
Мы молоды
И все — впереди.
Излишние в Вологде
Умерим дожди.

Дай срок, и на севере,
В торосах почти,
Чего б ни посеяли —
Все будет расти.

Все можем!
Вселенную,
Чтоб больше квартир,
Сдадим к заселению
Под наш новый мир.

Без устали трудимся...
Но вот о чем речь:
Когда ж мы научимся
Друг друга беречь?

1958

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН

Спасибо тебе, Блуднóво,
Деревня в лесной глуши:
Я начал писать здесь снова,
А это — хлеб для души.

Не мало в стране хороших
Углов, — приезжай, гости! —
Куда и добраться проще,
И меньше узлов везти;

Есть Талицы-речки всюду,
И если не озеро — пруд,
Повсюду рыбешку удят
И уток, и зайцев бьют;

Конечно, и для здоровья
Места благодатней есть...
Но вырос-то я в Блуднове,
С землей породнился здесь.

Здесь хата моя не с краю.
Я с детства
Не как-нибудь
Тут каждую душу знаю
И чувствую —
В этом суть.

Зимою — по снежным завалам,
Весною — по грязи вброд

Кидает меня пешедралом
На север из года в год.

И пусть иногда сурово
Встречает родная изба, —
Я тутошний,
Из Блуднова,
И это моя судьба.

1958

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Мне с отчимом невесело жилось,
Все ж он меня растил —
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.

Когда он слег и тихо умирал, —
Рассказывает мать, —
День ото дня
Все чаще вспоминал меня и ждал:
«Вот Шурку бы... Уж он бы спас меня

Бездомной бабушке в селе родном
Я говорил: мол, так ее люблю,
Что подрасту и сам срублю ей дом,
Дров наготовлю,
Хлеба воз куплю.

Мечтал о многом,
Много обещал...
В блокаде ленинградской старика
От смерти б спас,
Да на день опоздал,
И дня того не возвратят века.

Теперь прошел я тысячи дорог —
Купить воз хлеба, дом срубить бы мог...
Нет отчима,
И бабка умерла...

Спешите делать добрые дела!

1958

Да, отзывчивая, да, сердечная!
Не боюсь, что слова ходячие.
Доброта ее бесконечная
Ставит на ноги искалеченного,
Превращает слепого в зрячего.

Да, горой встает за обиженных,
Добивается невозможного;
Из какой-то заморской хижины
Вздых дойдет —
Уж она встревожена.

Бескорыстье ее широкое
Всеми встречными прославляется;
Выручает чужого, далекого...

И не видит, что тут же, около,
Свой родной человек терзается,

По ночам себя травит махоркою,
От душевных мук не отвяжется...

Может, ей простодушно кажется:
Никакое, мол, горе-горькое
Рядом с нею жить не отважится?..

1958

ХОЧУ ВЕСНУ!

Весна возникает не сразу, не вдруг,
Как звук, нарастая издаleká —
Из недр снеговых,
Из неясных мук;
Весна начинается с влажных вьюг,
С прибавки неслыханной молока,

С тоскливого ржания рысаков,
С надрывного крика вороньих стай;
Еще не выходит из берегов,
Но рвется,
Но бьет волной через край.

И сколько к смиренью себя ни зови,
Как воздержаньем сердца не мучь—
Весна поднимает пену в крови,
Теплом пробивается из-за туч.

На ранней заре
Среди бледных звезд
Глухарь, заикаясь, точит тайгу —
Опущены крылья,
Развернут хвост, —
И я, как на праздник, к нему бегу.

Луна в отражение речных глубин,
Как рыба, мечет икру в синеву,
И я,
В синяках от гремящих льдин,
За ней по широким плесам плыву.

Все ухищренья ума не впрок.
Опять не до выдержки,
Не до сна,
Оттаяло сердце,
Пришел мой срок.
— Сдавайся, сдавайся! — кричит весна.

Сдаюсь! —
Мне еще не тысяча лет.
Сдаюсь! —
Восхищенно руки тяну
Туда, где цветенье,
Туда, где свет,
К весне моей, к счастью.
Хочу весну!

1958—1959

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

Тревожно и грозно,
Тем боле, что поздно
И мой наступил
Переходный возраст.

Не слабым сыву,
А в голос реву:
Туда ли плыву я?
Так ли живу?

И спать не могу
И есть не могу:
В долгу перед всеми,
А что я могу?

Как пень на лугу,
Как тень на снегу,
Как серый валун
На морском берегу...

Чье сердце смягчил?
Кому подал руку?
Кому облегчил
Душевную муку?

Чью старость утешил?
Кого осчастливил?
Кого на дорогу
На торную вывел?

Пред всеми в долгу я
А чем помогу?
Я много могу.
Ничего не могу.

От горя ушел,
От хвори ушел,
От смерти ушел —
От себя не могу.

1959

ПО СВОЕЙ ОРБИТЕ

Я как будто родился заново,
Легче дышится, не солгу —
Ни себя, ни других обманывать
Никогда уже не смогу,
Если б даже хотел, не смогу.

Жизнь при всех ее изменениях,
Мир во всех его измерениях
Для меня теперь по плечу,
Сам за все отвечать хочу.
Так свободны мои движения,
Словно в первый раз от рождения
По своей орбите лечу.

Не вещун
И не старый с виду я,
Так же в праведники не гожусь,
Только больше к людям тянусь.
И горжусь:
Никому не завидую,
За непризнанных не боюсь.

Боль чужую все глубже чувствую,
Не могу пьянеть без вина,
Не польщусь на славу стоустую,
Коль без пользы людям она.

Ни к безверию, ни к сомнению
Не причастна душа моя,
Просто стало острее зрение:
Повзросло мое поколение,
Вместе с ним повзрослел и я.

1959

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

А разве кто сомневается
В том, что земля вращается,
Что время свое берет,
Добрее и оснащается
Отчизна из года в год?

Добрее и совершеннее
Становится человек.
И нас, мой друг, без сомнения,
Дорогами преображения
Ведет непреклонный век.

Не смять никаким обстоятельствам
Любви нашей к красоте,
К душевной чистоте.
Одно у нас обязательство —
Не изменять мечте.

Давай же будем правдивыми
И впредь
Во всем
До конца:
Бренчаниями фальшивыми,
Писаниями хвастливыми
Не разогреть сердца.

Во имя грядущего нашего
Попробуем не приукрашивать
Ни мыслей своих, ни заслуг,
Ни прошлого, ни настоящего.
Ужели не сможем, друг?

Ужель и с такими близкими,
Родными,
Как мы с тобой,
Нельзя до конца быть искренним,
Доверчивым и невыспренным,
Простым,
Как с самим собой?

1959

РУССКИЙ ЯЗЫК

Я люблю свой родной язык!
Он понятен для всех,
Он певуч,
Он, как русский народ, многолик,
Как держава наша, могуч.

Хочешь — песни, гимны пиши,
Хочешь — выскажи боль души.
Будто хлеб ржаной, он пахуч,
Будто плоть земная, живуч.

Для больших и для малых стран
Он на дружбу,
На братство дан.
Он — язык луны и планет,
Наших спутников и ракет.

На совете
За круглым столом
Разговаривайте на нем:
Недвуусмысленный и прямой,
Он подобен правде самой.

1959

Не верю, что звери не говорят,
Что думать не могут певчие птицы,
Что только инстинкты у хитрой лисицы
И пчелы не знают, чего творят.

Попробуйте в роще уединиться,
Укрыться под хвойный густой наряд
Да вникнуть в жизнь, что шумит вокруг,
Предубежденность на время откинув, —
И в сердце не будет места гордыне,
Вас трепет и робость охватят вдруг.

Достойно ль царя природы делить
Всех в мире живущих
На высших и низших?
Порой и владыки разумом нищи,
Все относительно может быть?

Высокомерие не к лицу
Ни великану,
Ни мудрецу.
В сосновом бору,
В березовой роще,
Где так многогранно желание жить,
Мне, сильному, только добрей, и проще,
И человечней хочется быть.

Мы видим не все со своей горы,
Чудес неоткрытых еще не мало.
Боюсь, чтоб кичливость не помешала
Нам постигать иные миры.

1959

ЛЮБЛЮ ВСЕ ЖИВОЕ

Когда-то и я не убить не мог,
Что б ни летело над головой.
Садился за весла — ружье у ног,
Шел в чащу — заране взводил курок,
На жатву брал дробовик с собой.

Стрелял и коршуна, и воробья,
Не разбираясь — друзья? враги?
А ныне
На ток хожу без ружья,
Катаюсь на озере без остроги.

Доверие птиц умею ценить.
Бывает легко на душе, когда
Случайно удастся жизнь сохранить
Птенцу, упавшему из гнезда.

Себя самого узнать не могу.
Осинки в лесу зазря не срублю,
В корнях родничок, что клад, берегу,
На муравейник не наступлю, —
Люблю все живое,
Живых люблю.

1959

* * *

К сиротской доле относясь с участием,
Меня добру учила вся родня,
Дед за неправду взыскивал с пристрастьем
Крапивой жег —
Обидней нет огня.

Бывало, мать прибьет
И в одночасье
Сама ревет, судьбу свою кляня:
— Живи по чести,
С совестью в согласье!.. —
Она хотела, чтобы сын был счастлив...

А ты? Чего ты хочешь от меня?
За что, родимая, казнишь меня?

1959

ДОБРЫЙ ПРАЗДНИК

Утром ранним весенним
Гости прибыли с юга,
И от птичьего пенья
Оживилась округа.

Сразу столько влюбленных,
Столько свиста и звона,
Что лесок обнаженный
Стал казаться зеленым.

Под грозою умылся
И подался к селенью,
Будто к людям явился
Встретить праздник весенний.

В зеркала дождевые
На широкой полянке
Смотрят ветлы сквозные
И березки-белянки.

Хорошо ль приоделись,
Уложились ли в сроки —
Еле корни прогрелись,
Еле тронулись -соки?..

Гул стоит над сосновым,
Над березовым миром.
Птицы двинулись к новым,
К необжитым квартирам.

Тоже формы надели:
Сколько вышивок разных,
Сколько фартучков белых,
Сколько галстуков красных!

На холмах, на увалах
И оркестры, и хоры,
Есть свои запевалы
И свои дирижеры.

Им и ночью не спится,
Станут петь полной грудью...
Будьте счастливы, птицы!
С добрым праздником, люди!

1959

ЗИМНИЙ ФОТОСНИМОК

Снег побелил ушанку,
Снег на воротнике.
Словно бы спозаранку
Был Ильич на катке.

И хохотал, и бегал,
Перегоняя всех.
Брови, что хлопья снега,
И на бородке снег.

Вот он встряхнул одежду,
Переступив порог,
Только с волос, как прежде,
Сдунуть снежок не смог.

Так и остались снежинки
На бороде, на усах,
Да на губах смешинки,
Да огоньки в глазах.

1960

ЛЕНИНСКИЙ ПРОСПЕКТ

Еще ни домов, ни оград —
Валежник да ягодник топкий,
Глухая тайга, а не сад,
Не улицы — тропки.

И просека только одна.
Зато и людьми и проектом
Уже названа она
Ленинским проспектом.

Прямой, устремленный в мир
Из хвойных трущоб,
К восходу,
Он — верный ориентир
Попавшему в непогоду.

Он словно начало начал,
Сродни фронтовым дорогам,
Для всех строителей стал
Больших перемен залогом.

Пусть города еще нет —
Не за горами сроки:
Уже освещен
Широкий
Ленинский проспект.

1960

ПИСЬМО В «ЛЕСНУЮ ГАЗЕТУ»

Памяти Виталия Бианки

Мы безмерно богаты.
В наших чащах и рощах
Столько всяких пернатых —
Просто диву даешься.

Но спросите иного,
Что он знает о птицах,
Пусть ответит толково —
И, гляди, удивится:

Как же, фауна, дескать,
Как же, наше богатство, —
На полях, в перелесках,
Так сказать, птичье царство...

Птичье царство — и только?
Ну, дрозды,
Ну, синички...
Где запомнишь все клички,
Просто птички — и только!

Стоит в лес углубиться —
И уже как не дома:
Словно мы за границей —
Незнакомые лица,
Языки незнакомы.

Как слепые плутаем,
Будто глухи отроду.

И еще утверждаем,
Что мы любим природу.

А цветы разве знаем
На лугах?
Разве ценим?
Все травой называем,
А подкошены — сеном.

И с деревьями то же:
Рсца в общем и целом...
Ель от пихты не можем
Отличить, грешным делом.

То же с рыбой:
Веками
Счет ведем косяками,
Густера иль сорожка,
Все едино — рыбешка.

Лишь царям по рожденью,
Как во всем, предпочтенье:
Знаем розу-царицу,
Льва-царя
Да царь-птицу...

И, конечно, тревожно,
Что порой мы безбожно
Не храним, что имеем,
Не щадим,
Не жалеем,

Ни за что не в ответе,
Словно самую малость
Нам на этой планете
Жить и править осталось

Не хозяева вроде,
Так добро свое губим.
А гордимся природой
И отечество любим.

О МОЕЙ СВЯТЫНЕ

Больше не могу!
Надо бежать
В северную тайгу,
В зеленую благодать —
Просто чтобы дышать.

Встану чуть свет,
Выйду на холодок,
А тут ничего нет:
Ни нор,
Ни берлог,
Ни родничка у ног.
Хоть бы какой след.

Но стоит замереть,
Слышу:
        шуршит листва,
Слышу:
        сопит медведь,
Взлетают тетерева.

Убран урожай,
В воздухе инея звон.
Слышу собачий лай —
С трех,
        с четырех сторон:
Начался гон.

Вся душа дрожит,
Больше не могу:

Вот он, косой, бежит,
Вон лиса на лугу...

Никак не пойму,
Что меня держит здесь:
Нужен кому?
Дело какое есть?

Может, в родном краю
Давно иная жизнь:
И птицы не так поют,
И звери перевелись,

И люди не те,
И поля,
И красота не та...
Но это моя земля,
Моя маята и мечта,
Мои святые места!

1961

ЛИРИЧЕСКОЕ БЕСПОКОЙСТВО

Что-то мешает
Работать с охотой.
Все не хватает
В жизни чего-то.

Днем не сидится,
Ночью не спится...
Надо на что-то
Большое решиться!

С кем-то поссориться?
С чем-то расстаться?
На год на полюсе
Обосноваться?

Может, влюбиться?
О, если б влюбиться!
Что-то должно же
В жизни случиться.

Если б влюбиться,
Как в школе когда-то,
Как удавалось
В седьмом
И в десятом —

До онеменья,
До ослепленья,
До поглупенья,
До вдохновенья!

Снова стоять
На морозе часами,
Снова писать
Записки стихами.

Может быть, в этих
Наивных записках
Вдруг обнаружится
Божия искра.

И превратятся
Мои откровенья
В самые лучшие
Стихотворенья.

1961

ТАРУСА

К. Г. Паустовскому

Лежу на краю зеленой земли.
В небо врезаны сосны и ели.
Трудятся пчелы,
Гудят шмели...
Наверно, так с сотворенья земли:
Пчелы трудились,
Шмели гудели.

И мне захотелось от диких пчел
Урвать дарового меду.
Весь день искал,
Ничего не нашел:
Не просто теперь набрести на пчел,
С медом найти колоду.

Зато какие леса, небосвод,
Воздух — не надышаться!
А пчелы...
Пускай роятся,
Пускай для себя собирают мед!..
Лежу на земле,
Гляжу в небосвод —
Не на что обижаться.

1961—1962

IV

БОСИКОМ ПО ЗЕМЛЕ

Солнце спокойное, будто луна,
С утра без всякой короны,
Смотрит сквозь облако,
Как из окна,
На рощу,
На луг зеленый.

От берега к берегу
Ходит река,
Я слышу ее журчание.
В ней те же луна, луга, облака,
Это же мироздание.

Птицы взвиваются из-под ног,
Зайцы срываются со всех ног.
А я никого не трогаю:
Лугами, лесами, как добрый бог,
Иду своею дорогою.

И ягоды ем,
И траву щиплю,
К ручью становлюсь на колени я.
Я воду люблю,
Я землю люблю,
Как после выздоровления.

Бреду бережком,
Не с ружьем, с батожком,
Душа и глаза — настежь.

Бродить по сырой земле босиком—
Это большое счастье!

1962

МЫ УЖЕ БОЯЛИСЬ

Зря ты не приехал в эту осень —
Родина ведь, что ни говори,
Пишем, пишем,
Просим, просим...
Может, прячут в стол секретари?

А уж сколько было красных ягод!
Не сохрем —
Лопатами гребли.
Наварили бы варенья на год,
И другой бы снеди запасли.

Наросло грибов на удивленье:
Вот не сей
И землю не паши,
А одно — ищи, соли, суши...
Как у вас там нынче со снабженьем,
Не скудаешься ли?
Сообщи.

Не послать ли мелких, из отбора,
Рыжичков,
Чтоб вспомнил о родне?
Упустил ты золотую пору.
Белых тоже набирали горы —
Даже на лугах, на косогорах...
Мы уже боялись:
Вдруг к войне?

1962

ЧИСТЫЙ БОР

Чистый бор — он мелколесьем был,
Не годился даже для охоты,
А какую гриву распустил —
В поднебесье хвоя, будто соты.

Дом отцовский — как он был высок,
А теперь смотрю
Изба избою!
Как в блиндаж, ступаю за порог,
Стукаясь о верхник головою.

Кто из нас тянул тяжельше воз?
Кто больней скрипит от непогоды?
Отчий дом с годами в землю врос,
Или вырос я за эти годы?

1962

В БОРУ СЛУЧИЛОСЬ НЕВОЗМОЖНОЕ

В Блуднове появилось радио —
Поет,
Играет,
Митингует.
И до чего всех это радует,
И как волнует!

В бору случилось невозможное:
Отбросив хвою,
                                став столбами,
Сто сосен придорожных ожило
Под проводами.

И сквозь извечные, привычные
Лесные звуки
                                вдруг под вечер
Пробились голоса скрипичные
И речи, речи.

Отныне стала небогатая
Изба,
                                где столько лет я прожил,
Душе моей, навек засвтанной,
Еще дороже.

И снова верится и чудится,
Что жизнь идет не стороною:
Когда-нибудь, наверно, сбудется
Все остальное.

1962

РОДНЫЕ СЛОВА

Родные, знакомые с детства слова
Уходят из обихода:
В полях поляши — тетерева,
Летятина — дичь,
Пересмешки — молва,
Залавок — подобье комода.

Не допускаются в словари
Из сельского лексикона:
Сугрёвушка,
Фыпики — снегири,
Дежень,
Воркуны вне закона.
Слова исчезают, как пестери,
Как прясницы и веретена.

Возилкой — неполный мешок с зерном
Вчера назвала мельничиха,
Поднёбицей — полку под потолком,
Клюкву — журавлихой.

Нас к этим словам привадила мать,
Милы они с самого детства,
И я ничего не хочу уступать
Из вверенного наследства.

Но как отстоять его,
Не растерять,
И есть ли такие средства?

1962

НА БОБРИШНОМ УГОРЕ

Завихряется стружка,
Пахнет ягодным бором.
Вырастает избушка
Над Бобришным угором.

В получасье шаганья
От деревни Блуднова
Жизнь моя, как сказанье,
Начинается снова.

Нет, не в пустынь,
Не в пристань,
Лежебокам на зависть, —
В Чистый бор, как на приступ,
Рядовым отправляюсь.

Только дым закурчавит
Край небес над ущельем,
И поэзия справит
Здесь свое новоселье.

Есть мечта:
В удаленье
От сумятицы буден
Обрести птичье зренье,
Недоступное людям.

Буду схож с Змееедом:
Так отверзнутся уши.

Что душе станет ведом
Говор трав и лягушек...

Заходите, соседи,
Из окрестных селений,
Не окажется снеди —
Угощу сочиненьем.

На Бобришном угоре
Воздух свеж, будто в море,
Родниковые зори,
И ни с кем я не в ссоре.

Ни запоров не надо,
Ни замков,
Ни ограды.
Добрым людям избушка
Круглый год будет рада.

А объявится рядом
Кто с недобрым поглядом —
К тем она повернется
Не передом,
Задом.

1962

ОБНОВА

Вот и крыша готова,
Постланы пол, потолок,
Вырос в бору сосновом
Среди лесных дорог
Терем-теремок —
Охотничий домок.

Вставлены косяки,
Рамы остеклены,
Со стороны реки
Углы осмолены.

У теремка — крыльцо,
Вместо скобы — кольцо,
Жёлоб для водостока,
Даже конек налицо.

Все — чему сердце радо,
Все — для ума и души,
Детство и юность — рядом,
Рябчики
И поляши.

Большого в жизни не надо —
Только сиди
Пиши.

Летчик нанес на карту
Новый ориентир...

Весь этот хвойный мир
Мне к юбилейному марту.

Некуда больше рваться,
Не о чем тосковать,
С матерью буду встречаться,
С пеньем птиц просыпаться,
Жить, как учила мать...

1962—1963

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Пусть ни грибов, ни ягод в лесу —
Он все равно хорош.
Каждое утро что-то несу
В дом из окрестных рощ:

Чаги кружок,
Черенок для ножа,
Корень, охапку дров,
Шишку, похожую на ежа,
Песню
пока без слов...

Пусть тишина,
В глуши ни души —
Все равно гул в ушах:
В шорохи трав и в шумы вершин
Вслушиваюсь не дыша.

Неба не видно,
Но там и тут
До колдовского дна
То озерцо полыхнет, то пруд —
Та же голубизна.

И ничего, что птичий отлет,
Что опадает листва —
Песню нашел
и она живет,
Сыщутся и слова.

1962

ВСЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Шел дождь,
небо соединилось с землей,
шумели сосны,
над бором погрохатывало.
А городской человек
вошел в глубь леса,
осмотрелся
и ахнул:
— До чего хороша тишина!

Сколько же он должен был страдать
от нестройного гула и звона,
от лязга и крика,
сколько лет должен был кричать сам,
чтобы вдруг,
забредя в лес,
где просто — муравьи и птицы,
мох и звонкоголосый родничок, —
так вот почувствовать,
так до слез полюбить тишину?!

И сколько лет
должен был человек
мотаться из города в город,
ютиться в кирпичных и железобетонных домах,
дышать дымом и пылью,
пить нечистую хлорированную воду,
принимать по утрам пирамидон
от головной боли,
чтобы, наконец,
в обыкновенном лесу
обрадоваться, что на подошвах его
не грязь, а хвойные иглы и листья,

и удивиться,
и сказать самое простое:
— Все в этом мире для человека,
почему же он не понимает,
как хорошо жить в лесу?

1963

ЖЕЛТЫЕ ЛИСТЬЯ

Я сочиняю стихи про желтые листья.
Падают листья в речку,
в холодную просинь...
Может быть, это мои прощальные письма?
Может быть, это моя последняя осень?

Я подбираю старательно
слово к слову:
«Речка — овечка — местечка...
дорогу — логу...»

А сенокосы
по речке Козловке
снова
Снег заметает.
Опять — ни скоту, ни богу.

Веточный корм собирали молодки, бабки,
Вброд по озерам осоку серпами жали,
Травку таскали домой
по охапке,
по шапке...

А заливные луга
кругом
стоят, как стояли.

Меня мужики называют
своим поэтом.
«Как же так?»
«Ладно ли?» —
пишут мне горькие письма.
Что я могу землякам ответить на это?!

Я сочиняю стихи
Про желтые листья...

1963

ВЕШНИЕ ВОДЫ

Ждать остается недолго,
Чую: близка весна!
Тронется матушка-Волга,
Следом за ней Двина.

И, подпирая друг друга,
Тронутся наверняка
Вычегда
И Ветлуга,
Бологда
И Ока.

Льдины вздыбив до неба,
Хлынут красою всей
Пинега
И Онега,
Лена и Енисей

Тронутся — не остановишь —
Солнечным током смол
Мимо рыбачьих становищ,
И городов,
И сел.

Грохотом обдавая.
Холодом леденя,
Грянет передовая
С ходу
Всей мощью мая,
Зелени и огня.

К северу, к югу —
С ходу
В сторону морей
Хлынут вешние воды...
Хлынули бы скорей!

1963

СПАСИБО СОЛНЦУ

На восходе
вершины сосен
вспыхнули под солнцем,
и у каждой образовалась своя корона.

Солнце понесло огонь по лесу,
по речным сенокосам,
по всей земле —
и все на земле
старалось уподобиться ему.

Папоротники,
еще не просохшие от росы,
развернулись, будто солнечные кокошники.
Водяная струя под берегом
превратилась в лучистый зонтик,
и по краям его
заиграла радуга.
У рыжей волнушки
пушистая юбочка с оборками
стала походить
на солнечные протуберанцы.

Подсолнух — солнце,
кружевная паутина — солнце,
Даже старый глухарь,
распустив хвост,
выдавал себя за восходящее светило.
Кому же и поклоняться в этом мире
как не Яриле-солнцу?

И я, выйдя из своего охотничьего домика
На Бобришном угоре,
повернулся лицом к реке,
которая внизу текла тоже, как солнце,
снял кепку
и сказал ему, огнеликому:
— Нет, человек произошел не от обезьяны!
Мне хорошо с тобой, солнце!
Спасибо тебе!

1963

АЭЛИТА

Очень хочется полюбить
Безответственно,
Безрассудно,
Молодеть
И других молодить,
Плыть под ветром весны попутным.

Очень хочется полюбить,
Чтобы жизнь не текла напрасно,
Самому судить
И рядить,
Властелином быть
И подвластным.

Слой листвы прошлогодней сгнил.
Сквозь покров
Перепревший, ржавый
Среди тысяч братских могил
Из всех своих свежих сил
Пробиваются новые травы.

Буераки еще в снегу,
Но по склонам гнездятся птицы
Над деревьями гам и гул.
Очень хочется преобразиться,
Петь по-птичьи,
А не могу,
Ни к чему,
Ни к кому прибиться.

Разнесла весна все мосты,
Путь-дорога моя размыта

Но другая —
                  к звездам —
                                открыта.
На какой же орбите ты,
Моя
Аэлита?

1963

О БЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ

Пусть — безответно,
Только бы любить,
Только б не бесследно
По земле ходить.

Трав густым настоем
Дышать в шалаше,
Только бы простоев
Не знать душе.

Небом или сушей
За любимой вслед —
То же, что в грядущее
Взять билет.

Скрытно жить,
В немилости,
Но в любой миг
Из-под ног вырасти
На ее вскрик.

Для меня не горе
Судьба бобыля,
Пахло б морем — море,
И землей — земля.

Буду жить, как птица,
Петь, как ручей.
Только б не лишиться
Бессонных ночей.

Пусть безответная,
Пусть, пусть!
Как-нибудь и с этою
Ношей примирюсь.

Ни на что не сетую,
Только бы любить.
Давай безответную —
Так тому и быть!

Впрочем, что ж охотно
На костер лезть?
Мы еще посмотрим,
Время есть!

1962—1964

ЗАПАСАЕМСЯ СВЕТОМ

Фёдору Абрамову

В край добра и чудес
С прежним рвусь интересом.
Я из тех самых мест.
Где семь верст до небес
И все лесом
Да лесом;

Где в затонах озер
Лебединые крепь,
Тундры снежный простор —
Вроде южные степи;

Где ветров ералаш
Да суметы по пояс,
И, как пригород наш,
За Архангельском —
Полюс.

У полярных широт
Быт порою неласков,
Не всегда мед течет
По усам
Даже в сказках.

Грех на море пенять —
Рыбы вдоволь,
А все же
Золотую поймать
Не случилось,
Не можем.

Не всегда на обед
Апельсины
И дыни.
Неразменных монет
Тоже нет и в помине.

Рукавицы в мороз
Прикипают к ладоням.
С храпом тянут свой воз
И олени,
И кони.

Слава наша хрупка,
Вечны только мерзлоты...
Но моим землякам
Любы эти широты.

Ночи долги невмочь,
Но зато мы уж летом
На всю долгую ночь
Запасаемся светом.

1963—1964

ЯСНЫЙ ДЕНЬ

В изморози, что в пене,
Голые ветви берез.
Роща как стадо оленей,
Сгрудившихся в мороз.

А день до того наряден,
Что и сказать не могу.
Тени от палисадин —
Лесенкой на снегу.

В солнечном одеянии —
Милые вы мои! —
Кажутся снегирями
Серенькие воробьи.

1964

ПОКОРМИТЕ ПТИЦ

Покормите птиц зимой,
Пусть со всех концов
К вам слетятся, как домой,
Стайки на крыльцо.

Не богаты их корма.
Горсть зерна нужна,
Горсть одна —
И не страшна
Будет им зима.

Сколько гибнет их—не счесть,
Видеть тяжело.
А ведь в нашем сердце есть
И для птиц тепло.

Разве можно забывать:
Улететь могли,
А остались зимовать
Заодно с людьми.

Приучите птиц в мороз
К своему окну,
Чтоб без песен не пришлось
Нам встречать весну.

1964

С МАТЕРЬЮ НАЕДИНЕ

Для всех ты давно уже — бабушка, бабка,
а для меня все — мама.

Для всех я если не дед, то дядя,
а для тебя все — парнишка.

Что знаешь ты о моей жизни?

Жалеешь меня

иль гордишься мною?

Верно, думаешь, что я вышел в люди,
так почему плачешь,
когда я домой возвращаюсь?

Ничего из меня, мама, не вышло,
и мудрость с годами не прибывает,
душа по-прежнему не на месте,
и в ласке твоей, как в детстве, нуждаюсь.

Почему ты, мама, меня сильнее?

Иссохшая, старая,

а не больная.

Пахать бы мне землю, как ты пахала,
зимой ладить дроги,
а летом сани

и не искать бы иного счастья,
бояться суетности, как заразы!

Ведь нет все равно ничего на свете
милей твоего немудрого крова.

Не будет тебя — куда я поеду? —

Чужие люди займут наш угол.

Но почему ты, мама, боишься,
когда прихожу я к тебе за советом?

1964

УЛЫБКА

А тебе улыбка идет.
Улыбайся почаще, милая!
Что сравнится с твоею силою?
Ни к чему подкрашивать рот.

Чуть раздвинутся уголки,
И скажи-поди — не красавица!
Слишком смелые пареньки
Замолкают и расступаются.

На кругу выходи вперед, —
Что тебе их мода постылая?
Улыбайся почаще, милая,
Так улыбка тебе идет!

Теплоты и света полна,
И участливая,
И беспечная,
Задушевная,
Добросердечная —
Очень людям нужна она.

Счастье ждет тебя у ворот,
Красота твоя не бескрылая.
В мире много еще невзгод, —
Улыбайся почаще, милая!

СЧАСТЛИВ ЛИ Я!

Что я за человек?
Счастлив ли я? —
Не могу об этом не думать.

В темном зале кино,
если экран не кривое зеркало, —
я плачу.

Над книгой правдивой
плачу.

Над горем людским
плачу.

Мне тяжело, когда не могу помочь.

А за себя все-таки радуюсь:
значит, сердце мое не зачерствело,
душа у меня живая,
я — человек.

И когда сам пишу книгу
И совесть моя не спит,
и, доходя до исступления,
я тоже плачу —
гордости моей нет предела:
значит, есть и во мне искра божия,
не зря меня кормит народ
своим хлебом.

Но плачет ли кто-нибудь
над моими книгами?
Счастлив ли я?..

1964

К ТЕБЕ ОБРАЩАЮСЬ, ДУША МОЯ!

Когда меня еще не было —
поэзия существовала.
Поэзия останется,
когда меня уже не будет.
Она повсюду:
в природе, в людях,
во мне
и вне меня,
как световые лучи
и как радиоволны —
в атмосфере
и в космосе.

Стихи существуют и не написанные,
не зарифмованные,
не напечатанные,
еще не почувствованные никем,
как антимир,
и пока не уловленные,
как биотоки Вселенной.

А поэт — вроде приемника.
И, если он настоящий поэт,
не сбитый с толку славой и наградами,
не чиновник, а человек,
думающий и страдающий,
он пропустит волны поэзии
через свою судьбу,
через свою душу.

Весь мир — поэзия.
И я обращаюсь к тебе, душа моя:

будь хорошим приемником,
чутким, многодиапазонным,
всеволновым, как двадцатый век:
приглушена одна волна —
переходи на другую,
чтобы ощутить поэзию
как биотоки людских сердец.

1964

СВЕЖЕЙ ВЫПЕЧКИ

С пылу,
С жару,
С поду,
С ходу —
Свежей выпечки
Хлеб народу.

Будто свадебные,
Пудовые
Пироги подовые,
Пышки и плюшки,
Батоны и сдобы,
Бублики и сушки —
Разламывай,
Пробуй!

Из муки мелкомолотой,
Чисто просеянной
Шаньги желтые,
Будто листья осенние.
Спасибо сердечное,
Поклон особый
Тебе, моя сельщина,
Вам, хлеборобы!

Из вашей муки
Калачи продаются
И в домах пирожки
Жарятся
И пекутся —

С грибками,
С морковью,
С капустой —
Чудо!
А главное — с любовью.
А главное —
Повсюду.

Ешьте на здоровье,
Добрые люди!

1965

МЕДВЕДЯ МЫ НЕ УБИЛИ

Феликсу Кузнецову

Медведя мы не убили,
Но я написал рассказ
О том, как медведя убили,
Какие мы храбрые были,
Когда он пошел на нас.

Как вздыбился, зарычал он,
И как он потом затих.
Охотничьего материала
Хватило еще на стих.

В журнале меня хвалили
За правду,
За мастерство...
Медведя мы не убили,
Не видели даже его.

И что еще характерно:
Попробуй теперь скажи,
Что факты не достоверны, —
Тебя ж обвинят во лжи.

1965

ПРО БЕРЕЗКУ

Я ее видал и не парадной,
Не царевной гордой на кругу,
А нескладной,
Даже неприглядной,
Утонувшей по уши в снегу.

Не кудрявой,
И не золотистой,
Не расхожей — оторви да брось,
А совсем беспомощной,
Без листьев,
Голенькой
И вымокшей насквозь.

Видывал и в грозы, и в бураны,
При ночных огнях
И на заре.
Знаю все рубцы ее и раны,
Все изъяны на ее коре.

И люблю любовью настоящей
Всю, как есть,
От макушки до пят.
О такой любви непреходящей
Громко на миру не говорят.

1965

НАВСЕГДА

Сегодня я не знал, куда деть свою душу,
и, как бывало прежде,
меня потянуло к тебе,
в твой дом,
к тишине и доброжелательности.

Грохнул лифт на седьмом небе,
будто шахтерская клеть.
Седьмое небо —
это твоя лестничная площадка.

Раньше — ночью ли, днем ли —
ты угадывала, что я уже рядом,
и, не ожидая звонка,
счастливая,
распахивала дверь настежь.
Сегодня никто не открыл мне дверь,
и я стал звонить.

В квартире залаяла собака.
Я назвал ее по имени: «Чапа!»
Она завизжала от радости.
А я стал стучать.
Но и на стук мне никто не ответил, —
наверно, было слишком поздно.
(Раньше никогда не было поздно!)

— Чапа, открой! —
закричал я.
Но собака не может открыть двери.
Вот когда я понял,
что это уже не твоя квартира,

и опять,
и еще раз почувствовал,
что тебя нет больше.
Нет!

До чего же мне трудно было сегодня
спускаться с твоего этажа.
Все вниз и вниз.
В первый раз —
вниз.
Навсегда.

1965

ПЕРВЫЙ ПТЕНЕЦ

Все за ночь раскисло,
Снега поползли,
И небо провисло
До самой земли.

Расселось,
Размокло...
Полны колеи.
По крышам, по стеклам,
По сучьям— ручьи.

Разбухло,
Разлезлось...
Где нечет, где чет.
И всякая мерзость
В овраги течет.

И только все глубже,
Все чище вдали
Небесные лужи
По краю земли.

Да в чаще,
Да в роще
У старых запруд
Все слаще,
Все хлеще
Птицы поют,

Все гуще,
Все пуще...
И вот, наконец,
Проклюнулся в пуще
Первый птенец.

1965

ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ

Хочется исповѣдаться,
Выговориться до дна.
Может, к друзьям наведаться
С бутылкой вина?

Вот, дескать, все, чем жил я,
Несу на ваш суд,
Не отвернитесь, милые,
Весь я тут.

Смута сердешная
Невозмогу одному.
Не оттолкните грешного,
Сам себя не пойму.

Будто на медкомиссии,
Гол — не стыжусь,
Только ладошка листиком,
И не боюсь, что высмеют,
Ни лешего не боюсь.

Хватит уже бояться мне,
Душа нага.
Только бы не нарваться ей
С исповедью на врага.

Выговориться дочиста —
Что на костер шагнуть.
Лишь бы из одиночества
Выбраться как-нибудь.

Может, еще и выстою
И не сгорю в огне,
И, как на той комиссии,
— Годен! —
Запишут мне.

1965

ЧЕГО ЕЩЕ СЕРДЦЕ ПРОСИТ

Я видел большую воду —
Апрельский разлив и спад,
И как журавли в непогоду
Домой под обстрел летят.

Свободна
И судоходна,
Как Млечный Путь, широка,
Река, будто пену к сходням,
Накатывает облака.

Луга замедляет илом,
Бьет бревнами кручам в грудь...
Позднее ей не под силу
И жерновок провернуть.

Я видел, как из-под снега,
Размытого добела,
Неведомого побега
Проклевывалась игла.

Подснежников появление,
Березовых почек рост
Я сравнивал по значенью
С рождением новейших звезд.

Жестоких желаний жженье,
Любовь и остуду знал,
И ненависть, и примиренье,
Смирялся и бунтовал.

Все видел:
Весну, и осень,
И зиму — во льдах, в снегу...
Все в памяти берегу
Чего еще сердце просит?
Чему удивиться смогу?

1966

СОЛОВЕЙ

Черт его дери — соловья!
Всю весну горю, как на огне.
Но писать о нем не вправе я
Ни в стихах, ни в прозе:
Стыдно мне.

Стыдно тыщи лет воспевать
Птичьи трели
Да небесный свод...
А ему-то, соловью, плевать:
Знай себе работает —
Поет.

1966

НОВЫЙ БЕРЕГ

Никаких таких Америк,
Знаю, не открою.
Юг-река меняет берег
Под моей Горою.

Клин песчаный намывает
Под обрыв сосновый,
Удлиняет,
Уплотняет...
Где-то старый берег тает,
Нарастает новый.

Верю, примутся деревья
На косе посадом.
Встанет целая деревня
С моим домом рядом.

Даже город будет, верю.
Пусть не очень скоро...

Намывает новый берег
Под моим Угором.

1966

ПОЧЕМУ НЕ УДИВЛЯЕМСЯ

Почему-то без удивления
Смотрим на небо, на поля,
И — восторженно,
С умилением
Пересказываем сновидения,
Хоть и в снах
Все та же земля.

А деревья-то зеленые!
А в озерах
Вода в цвету!
А в воде, что стрелы каленые,
Листья длинные,
Заостренные,
Оголенные,
Опушенные...
И все тянутся в высоту.

В небе крылья птиц распростертые,
Тучи, радугами подпертые,
Камни скал в корнях витых.
Видно, скалы тоже не мертвые,
Раз деревья растут на них.

Над рекою кручи размытые.
Я на срез отвесный гляжу,
Будто в недра земли открытые
По ступенькам цветным вхожу,

Налюбуюсь ли на нарядную,
Ненаглядную землю-мать,

Непарадную,
Неоглядную?..
Так всему в этом мире радуюсь,
Будто завтра его покидать.

И тоскливо мне одному —
Будто завтра конец всему.

1966

КУЛИК

В болоте целый день ухлопав,
Паткнулся я на кулика.
Он из гнезда, как из окопа,
Следил за мной издалека.

Как трудно быть ему героем:
Того гляди, возьму живьем,
А он один в гнезде своем,
Как в поле воин
Перед боем
С противотанковым ружьем.

Взлетать иль нет?
А вдруг замечу,
Со всем хозяйством загублю?
А не замечу —
Искалечу,
Ногой сослепу наступлю?

Зачем играть со смертью в прятки?
Я на него взглянул любя
И — мимо, мимо без оглядки...
Сиди, родимый,
Все в порядке,
Я просто не видал тебя.

1966

О погожих днях и хороших людях

Когда мне трудно дышится и кашель,
подобно минометному обстрелу,
гнетет к земле, —
последствия войны! —
когда врачи ничем помочь не в силах,
в груди и слякотно, и непролазно,
как в бездорожье,
я стараюсь вспомнить
о днях погожих,
светлых и сухих,
а их в году бывает больше все же,
конечно, больше,
чем промозглых дней.
И любопытно:
вдруг слабеет кашель,
продует бронхи свежий теплый ветер,
как будто две таблетки антастмана
я проглотил
иль подышал в бору,
на родине,
где мы живицу гнали...

Когда меня сгибают неудачи,
растерянность душой овладевает,
бессонница и страх —
бывает все! —
я вспоминаю о хороших людях,
о тех, мне близких
и не очень близких,
а просто повстречавшихся в дороге,
о людях с чистой совестью бойцов,
которых больше все же на планете, —
конечно, больше! —

чем приспособленцев,
чем карьеристов и самоснабженцев,
бесстыжих болтунов и графоманов, —
и мне становится легко на сердце,
ну, не совсем, быть может,
но спокойней,
и хочется еще пожить на свете,
полюбоваться небом и землей,

1966

**ВАДИМУ КАПЛИНУ,
МЕДВЕЖАТНИКУ**

Вот опять поставила
На своем
        зима.
В шубах горностаевых
Ели
И дома.

Для меня по-прежнему
Дороги до слез
Эти дали снежные
И первач мороз.

Снег до переносицы,
До ушей,
До крыш.
Лишь поземка носится
По полю без лыж.

Может, вспомним молодость,
Дорогой Вадим,
Где-нибудь за городом
Зайца подсадим.

А быть может,
        в добрый час —
Ах, еще бы раз! —
Старый бог потешит нас
И берлогу даст?

Пусть не очень важную,
Пусть совсем невидную,

Хоть малометражную,
Малогабаритную.

Встали б на медведя мы
Супротив чела,
Кто с ружьем,
Кто с ФЭДом бы —
Была не была.

Эх, кабы
да кабы!
Снова б наши бабы
Пряли шерсть,
Варили щи
Из медвежьей лапы.

Ну а мы,
мужчины,
Пили бы чин чином
И, хвалясь
И кочевряжась,
Гнули бы бухтины...

Сколько лет,
Сколько зим,
Дорогой Вадим!
Может, вспомним молодость,
Ружья зарядим?

1966

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

По опушке рощи,
Около воды —
Вязью по пороше
Свежие следы.

Разбираю почерки:
Вот чей-то скок,
Лисьи цепочки,
Птичий бисерок.

Кривули чьи-то, —
Чьи? — не узнать —
Прошвой вшиты
В белую гладь.

Протянула мышка
Тесьму хвостом...
Вязанье,
Вышивка
Гладью
И крестом.

Косачи — крестиком,
Рябчики — тож;
Куропаток шествие —
Понимай как хошь.

Заячье плетенье —
Смех и грех:

След с оформленьем —
К ореху орех.

Чудо, что творится,
И все — на виду:
Не птицы — кружевницы,
Пяльцы и спицы,
Коклюшки в ходу.

Вот как разделано!
Дивлюсь пестроте...

Все на снежно-белом
На тканом холсте.

1966

СКАЗАТЬ ИЛЬ ПРОМОЛЧАТЬ!

Приехала сестра.
Не виделись пять лет.
— Поди, уже стара,
Узнаешь или нет?

Узнать почти нельзя.
Ее ли в том вина?
Гляжу во все глаза:
Она иль не она?

Лишь пять недолгих лет, —
Каких? —
Коротких пять,
А целой жизни нет.
Сказать или смолчать?

Какая ж так гроза
Смогла ее согнуть?
Гляжу во все глаза:
Сказать иль обмануть?

1966

СКОРЫЕ ПОЕЗДА

Отходят скорые поезда...
А мы ни разу не расставались,
Не разъезжались,
Не провожались,
Ни разу письмами не обменялись
Да и не виделись никогда:
Еще мы просто не повстречались.

А ведь, наверно, ты где-то есть?
И не чужая —
Моя...
Но какая?
Красивая?
Добрая?
Может, злая?
Живешь, наверно, меня ожидая,
А повстречаемся ль мы, бог весть!
Я ничего о тебе не знаю.

Вот снова один.
Моросят года.
Уж сердце мое дает перебои.
А вдруг мы не встретимся никогда—
Беда или счастье в том для обоих?..
Отходят скорые поезда,
Сверхзвуковые взмывают...
Куда?
Не разминуться бы нам с тобою.

1966

ЗАКЛИНАНИЕ

Воскресни!
Воскресни!
Забейся, сердце, в груди!
Пусть — чудо:
Не песней —
Сама во плоти приди!

Хоть утром,
Хоть ночью, —
Я в доме один живу, —
Явись, когда хочешь,
Но только бы наяву.

Хоть в саване белом,
Хоть в платье —
Теперь не зима, —
Не отрещусь оробело
И не сойду с ума.

Хоть с шумом и громом,
Иль тихо войди
С крыльца,
Но только б — знакомой:
Не надо менять лица.

Воскресни!
Возникни!
Сломалась моя судьба.
Померкли,
Поникли
Все радости без тебя.

Пред всем преклоняюсь,
Чем раньше не дорожил.
Воскресни!
Я каюсь,
Что робко любил и жил.

1966

НОЧНАЯ УХА

Садись, коли пришла!
Ты думала, я струшу, —
Мол, как бы не взяла
Мою с собою душу?

Стоит, как видишь, дом,
Смеялась:
На́ день строю!..
Один я ныне в нем:
Леса, леса кругом —
Куда мне с ней, с душою?

Что раньше, что теперь,
Тебя ли мне бояться?
Уж это так, поверь!
Захочешь повидаться —
Не закрываю дверь.

Вахтером в час ночной
У вас там
Петр иль Павел?
Сегодня — выходной:
Апостол в проходной,
Наверно, ключ оставил?

Давай уху варить.
Поужинаем плотно,
Я выпил бы охотно,
Чего греха таить...
Уж очень беззаботно
С тобой мне было жить.

Повесим котелок,
Мягка в реке водица.
Где ерш да окунек,
Там к месту и плотица.

Ольховый уголек
Для запаха положишь.
Есть перец и лучок...
Потом бы я прилег.
А разве ты не можешь?

Мне сроду не понять,
Что ты уже бесплотна.
Ах, если б раньше знать,
Что жизнь так мимолетна!

Я губ твоих и глаз
Не стал бы сторониться.
Почаще бы ушица
Готовилась у нас.

1966

МИЛОЕ МОЕ ГОРЕ

Вытянулась семья —
Дочери и сыновья.
Верилось:
С ними
Стану сильнее я.
Стал не сильнее я —
Еще ранимее,
Еще уязвимее.

Думалось:
Что ни год
Мне будет легче.
Доля моих забот
Ляжет на их плечи.

Но годы идут, идут —
Покоя не знаю:
То в техникум,
То в институт
Сам поступаю.

Опять зачеты сдаю,
Дрожу понемножку,
Перелицовываю свою
Ношеную одежду.

Историю с дней Петра
Зубрю снова;
История —
Стара,
Пособия —
Новы.

Не труд — глагол prospягать.
Трудней и серьезней
Заново перемогать
Опасный возраст.

Я как в огне на войне.
А чем озабочен?
Дочь влюблена,
А мне
Не спать ночи.

Что за дружки у сынка?
Не было б худа.
Письма пришли — откуда?
Сразу три дневника —
Только ль причуда?

Странно, что в век машин,
Атомных бомбовозов
Для них не решен ни один
Из роковых вопросов.

Юноша, стиснув рот,
Заново определяет:
Ради чего живет?
Из-за кого страдает?

Что такое любовь?
Где обитает совесть?
И все —
Не в глаз, так в бровь,
В самую душу то есть.

Дочери и сыновья —
Милое мое горе,
Вечная мука моя!
Какое уж там подспорье...

За редкий часок без забот —
Страшнее всех суеверий,
Страшнее, чем эшафот,
Вечно в душе живет, —
Вечно!
Из года в год! —
Страх потери.

Вдруг да опять война —
Что будет с ними?
Теперь у меня она
Все отнимет.

1965—1967

ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ СПИТ

Как славно,
Как дивно
В апрельском бору!
Костер над обрывом —
Присядем к костру!
Раздольно,
Разливно,
Заздравно,
Зазывно.
Мы как на пиру
У весны на юру.

Размывно,
Разымчиво,
Вот она — ширь! —
Не половинчато,
Не в полдуши.

Напевно и мощно,
Как чудо из чуд,
И денно
И ночью
Птицы поют.

Под вечер морозит,
Звездится ледок,
Ломается озимь
По краю дорог.
До самой опушки
Поля забеля,
Снежной мерлушкой
Обшилась земля.

А ночи,
А ночи
Средь елей и пихт!
Хоть нет их короче
Для тех, кто не спит,
Для тех, кто сидит
У мокрых раkit,
За удочкой
                                чуть различимой
Следит.

Не то — косачей
Ожидает на ток,
На взгорок
Меж елок,
На бугорок.

Ах, сколько ночей
И я спать не мог!
Весенние ночи,
Рассвет словно дым,
Их нету короче
Для тех,
Кто любим.

1966—1967

НЕ НАДО КАЯТЬСЯ

К чему раскаянье?
Все было правильно.
Хоть все —
Нечаянно,
Все не по правилам.

Ни в чем не виню
Ни тебя, ни себя.
Себя
И тебя
Предавал огню.

То беззаботны мы
До вдохновения,
То — тягомотина,
То — завихрения.

Мутит бессонница,
Когда случается
Навзрыд поссориться,
Чтоб тотчас каяться.

То в берег врежемся,
То в небо ринемся,
Денек понежимся
И с год не видимся.

Разноголосица
И несусветица —
Все ныне по сердцу
И светом светится.

Не отрекаюсь я —
Уж лучше маяться.
Будь все по-старому,
Как жизнь поставила.

Ведь если б согласие
Во всем,
Всегда —
Не знать бы нам счастья,
Опять беда.

1967

ДУМАЛОСЬ ДА КАЗАЛОСЬ...

Думалось, все навечно,
Как воздух, вода, свет:
Веры ее беспечной,
Силы ее сердечной
Хватит на сотню лет.

Вот прикажу —
И явится,
Ночь или день — не в счет,
Из-под земли явится,
С горем любимым справится,
Море переплывет.

Надо —
Пройдет по пояс
В звездном сухом снегу,
Через тайгу,
На полюс,
В льды,
Через не могу.

Будет дежурить,
Коль надо,
Месяц в ногах без сна,
Только бы — рядом,
Рядом,
Радуюсь, что нужна.

Думалось да казалось...
Как ты меня подвела!
Вдруг навсегда ушла —

С властью не посчиталась,
Что мне сама дала.

С горем не в силах справиться,
В голос реву,
Зову.
Нет, ничего не поправится:
Из-под земли не явится,
Разве что не наяву.

Так и живу.
Живу?

1967

ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

Мечтал один остаться.

И остался.

Живу один.

Чего желать теперь? —

Справляй победу,

Не считай потерь...

Но где же все,

чего я добивался?

Опять никто ко мне не постучался!

За целый день никто не постучался!

Никто!

Никак!

Хотя б не в душу —

В дверь...

1967

МЫ БЫЛИ МОЛОДЫ

В голоде,
В холоде,
В городе
Вологде
Жили мы весело —
Были мы молоды.

Я со своей богоданной
Ровесницей
Под деревянной
Под жактовской лестницей.

В крошке-сторожке,
В сарае ли — помните?
Нам-то казалось:
В отдельной комнате.

Были мы молоды,
Не запасливы:
В голоде, в холоде —
Все-таки счастливы.

Крови давление,
Сердца биение
Были нормальными
На удивление.

Как чудесами
Кичились крылечками,
Да туесами,
Да русскими печками.

Окна в узорах,
Кровли с подкрылками,
Охлупни в небе
С коньками,
С кобылками.

Не горевали,
Что рядом, на площади,
С сеном, с дровами
Тонули лошади.

Мы колеи бутили
Поленьями,
Мы тротуары мостили
Каменьями.

И терпеливы были,
И сметливы.
Неприхотливы.
Непривередливы.

Как нам любилось!
Как улыбалось!
Самое-самое
Близким казалось.

Не на «Победах»
И «Волгах» — где уж там! —
На велосипедах
Катали девушек.

И у Матрешек
Вместо сережек —
Серпы и молоты,
А вместо брошек —
Значки наколоты:
Ценилось не золото, —
Мы были молоды!

Что нам мохнатые
Бобры да пыжики? —
Гордились ребята
Буденовкой рыженькой.

Не было крова
Под флагом
Сутяге.
Честное слово
Равнялось присяге.

В голоде,
В холоде
Жили мы в Вологде.
Но были молоды,
Вот как молоды!

Ах, до чего же
Глупы и молоды!

1967

О ФОРМЕ И СОДЕРЖАНИИ

Я с детства привык к василькам,
К полдневному их сиянию,
К их форме
И содержанию,
К соцветиям
И стебелькам.

Я их собирал в овсах,
Как звезды,
Как луны синие.
Не раз любовался ими я
У девушек на волосах.

Легки,
Мотылькам сродни,
Как часто в стихотворении
Друзьям заменяли они
Лирическое вдохновение.

Мне памятни и венки
С их влажным благоуханием,
Когда начиналось гадание
На берегу реки...

Я с детства любил васильки.
Но вот
Довели до сознания,
Что это же
Сорняки.

С тех пор я вхожу в овес
Без прежнего к ним обожания...
Так разрешился вопрос
В пользу содержания.

1967

МУХОМОРЫ

Из кустов, как с экрана,
Смотрят в очи вселенной
То шатры Чингисхана,
То Василий Блаженный.

Прохожу коридором
По сосновому бору:
Счета нет мухоморам —
Мухомор к мухомору.

А отсюда, бывало,
На телегах, навалом,
Снедь лесную возили,
Пестерей не хватало.

Вдоль борушки-опушки,
Словно девочки в школе,
Бесенились волнушки
С бахромой на подоле.

Табунились маслята,
А по влажному скату
В листьях прятались грузди,
Как зайчата в капусте.

Даже белые были —
Что ни год в изобилье
Выносила их осень,
Как хлеба на подносе.

А теперь тут заборы
По всему косогору
И одни мухоморы —
Мухомор к мухомору.

Разнородны и яркие,
Как заморские чарки,
Как ковры на паркете,
Как почтовые марки
На зеленом пакете.

Длинноногие франты
В чужеродном наряде.
Наглые оккупанты
На победном параде.

1967

СВОЕ ДОБРО

Кончились радости осени. Дождь.
Небо слезится,
Тучи как дым.
Ты меня в город домой зовешь,
Ждешь, как отходника.
С возом каким?

Груз мой — корзины да пестери,
Не из-за моря —
Свое добро.
Хочешь, бочонок груздей бери,
Туес брусники,
Клюквы ведро.

Как говорят, чем богат, тем и рад,
Что уродилось,
То и везу.
Разбогатеть не смог, виноват,
Не за границами жил — в лесу.

Чем занимался?
Да просто жил,
Сил набирался,
Жил и дышал.
Рад, что ничьих не вытягивал жил,
Людам на горло не наступал.

Не говорю, что горе прошло, —
Свыкся.
У всякого свой удел.
Все-таки что-то произошло:
Тучи как дым и дождь,
А светло.
Осенью даже лес посветлел.

1967

СОПОСТАВЛЕНИЯ

Это все-таки удивительно,
И это надо видеть самому!

Подсолнухи поутру,
Как армия на смотру,
Поворачиваются —
Все решительно! —
К солнцу,
К маршалу своему,
И глазами его едят,
Разодетые на парад,
И почтительно
За ним следят.
Это один квадрат.

А вот другой полевой квадрат.
Тоже в рост
К солдату солдат.
Как защитные плащ-палатки,
Листья с плеч свисают до пят.
В каждой складке
Шинельные скатки —
Туго скрученные початки,
Кукурузы зеленый отряд.

Это пехота-царица,
Границы ее необъятны.
А кругом
Клевера, пшеница —
Другие цветные квадраты,
Иные цветные пятна,
Эх, полюшко,
Поле боя!..

Теперь-то оно другое.
Но мне не уйти от сравнений,
Добытых ценою войны
В землянках, в ходах сообщений,
Они нам навек даны.

За желтою кромкой жита,
Где есть и ячмень, и овес, —
Зеленая полезащита,
Линии лесополос.
В тени этих редких рощ
Приметы далекой схватки:
Окопы, как швы на палатке,
Да партизанские скрадки,
Да блиндажей остатки
Еще и сейчас найдешь.

А между дорог незнакомых,
То вытянуты,
То круглы,
Скирды прошлогодней соломы —
Это уже тылы.

И водный рубеж — река
Без переправы пока.
Ах, полюшко, поле боя,
Над головой облака...

Какая-нибудь неделя —
И сдвинутся с мест войска.

1967

ВЕСЕННИЕ ОЖИДАНИЯ

Заметно весны дыхание,
Уже в колеях до колен
Все замерло
В ожидании
Неведомых перемен.

Под вечер березник в инее,
Вода превращается в лед,
А в полдень
Все синее-синее
Сквозь крыши
И с крыш течет.

И солнце с луной встречается,
Как будто о чем совещаются,
И скалы в воде по грудь...
Ах, если бы все, что чается,
Свершилось
Когда-нибудь!

С терпением,
Со смирением,
Устав от душевных смут,
Друзья мои
Потепления,
Как манны небесной, ждут.

Вдруг что-то взыграет, вспенится,
Как свет по земле пройдет...
А, собственно, что изменится?
Весна же не первый год!

1967

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

...Дописать или оборвать —
Горе горькое догоревать?
Сам с собой не всегда в ладу.
По своей
Иль чужой вине
Так живу, как сквозь строй иду,
Что ни день —
Горю на огне.

Книга жизни...
Только ль слова?
Сколько лет я сижу над ней.
Пожелтели страницы в ней,
Как трава в сентябре,
Как листва.
Поседела моя голова.
Но вдвойне дается трудней
Заключительная глава.

1967

С ДОБРЫМ УТРОМ

Я люблю, когда при встрече
Мы знакомым и родным
«С добрым утром!»,
«Добрый вечер!»,
«Доброй ночи!» — говорим.

Если к чаю иль к обеду
В дом войдем —
Не любо, что ль,
Поклонясь, сказать соседям:
«Чай да сахар!»,
«Хлеб да соль!».

Не от тяги к суесловью
И сложилось не вчера
Это братское, с любовью
Пожелание здоровья,
Пожелание добра.

Хорошо и путь-дорогу
По обычаю начать:
У родимого порога
Посидеть и помолчать.

Не спешу с моралью строгой,
Коль в дорогу кто-нибудь
По привычке скажет:
«С богом!»,
«С богом!» — тоже «В добрый путь!»

От души желаю счастья
Всем товарищам своим,
Молодым — в любви согласья,
Долголетия — пожилым.

Рыболовам,
Звероловам —
Теплой ночи у костра,
И — богатого улова,
И — ни пуха ни пера.

Пусть людей во всех заботах
Ждут удачи и успех,
Чтоб работалось с охотой
И гулялось без помех.

Даже стая журавлиной,
Улетающей от нас,
По обычаям старинным
Мы кричим:
«В счастливый час!»

И живется вроде лучше,
И на сердце веселей,
Коль другим благополучья
Пожелаешь на земле.

1968

СОДЕРЖАНИЕ

Ал. Михайлов. Жизнестойкость поэзии Александра Яшина	5
I	15
Вологда	17
Вологодское новогоднее	19
Олена	20
«Слова-то красивого...»	22
«Шла я нынче заимкой...»	24
Мета	25
Из цикла «Первые письма»	26
Присказки	30
«Никогда так низко не свисали...»	34
Весеннее	36
Песочные часы	38
Пуговка	39
Илье Сельвинскому	42
Сосна	45
Заречная красавица	46
Зверолов	48
II	51
«Не позабыть мне первых схваток...»	53
Поле	54
Товарищу по окопу	55
Русские мы	56
Шинель	58
Высота	60
Телеграмма	61
Поле боя	63
Канава	64
Не умру	66
«Назови меня именем светлым...»	68
«Очень много солнечного света...»	69

«Хмелит не бражный полдень, не вино...»	70
В Крыму	71
Осина	73
Малая земля	74
Не разучился ль ходить за плугом?	76
«Здесь орудийные раскаты...»	77
Хмель	78
«Если б ты в реку упала...»	80
Хозяева	81
Отпускник	83
Детство большеглазое	85
«Весна по всем дорогам...»	87
Далекие походы	88
«Каждый год весна как чудо...»	90
Сама победа	91
Солдатской матери	94

III 95

Михаилу Пришвину	97
1. Сосновая грива	97
2. Величальная	97
«Что-то есть в тебе очень хорошее...»	98
«И что из того, что уходят года...»	99
О дружбе	100
Элеватор	101
Свежий хлеб	102
Первые стихи	103
Учетчица на льду	105
Шлюз открыт	107
Извечное	108
Перед дорогой	109
Судьба	110
«Тянет в простор полей...»	111
Утром не умирают	113
Только на родине	114
Орел	115
О насущном	116
Показуха	117
Твоя родина	119
У кабинета Ильича	121
С годами...	122
«В несметном нашем богатстве...»	123

Москва — Вологда	124
Бессонница	126
Исповедь	128
«Я давно на родине не был...»	130
Память	131
Пустырь	133
«Весна — куда ни кинешь взгляд...»	134
Юг-река	135
Чудо-сабля	136
По свежему снегу	138
Все можем	139
Земной поклон	140
Спешите делать добрые дела	142
«Да, отзывчивая, да, сердечная...»	143
Хочу весну!	144
Переходный возраст	146
По своей орбите	148
Торжественное обещание	149
Русский язык	151
«Не верю, что звери не говорят...»	152
Люблю все живое	153
«К сиротской доле относясь с участием...»	154
Добрый праздник	155
Зимний фотоснимок	157
Ленинский проспект	158
Письмо в «Лесную газету»	159
О моей святыне	161
Речка Вертушинка	163
Лирическое беспокойство	164
Таруса	166

IV 167

Босиком по земле	169
Мы уже боялись	170
Чистый бор	171
В бору случилось невозможное	172
Родные слова	173
На Бобришном угоре	174
Обнова	176
Песня без слов	178
Все для человека	179
Желтые листья	181

Вешние воды	182
Спасибо солнцу	184
Аэлита	186
О безответной любви	188
Запасаемся светом	190
Ясный день	192
Покормите птиц	193
С матерью наедине	194
Улыбка	195
Счастлив ли я?	196
К тебе обращаюсь, душа моя!	197
Ваши успехи	199
Свежей выпечки	200
Медведя мы не убили	202
Про березку	203
Навсегда	204
Первый птенец	206
Перед исповедью	208
Чего еще сердце просит	210
Соловей	212
Новый берег	213
Почему не удивляемся	214
Кулик	216
О погожих днях и хороших людях	217
Вадиму Каплину, медвежатнику	219
Следы на снегу	221
Сказать или промолчать?..	223
Скорые поезда	224
Заклинание	225
Ночная уха	227
Милое мое горе	229
Для тех, кто не спит	232
Не надо каяться	234
Думалось да казалось...	236
Об одиночестве	238
Мы были молоды	239
О форме и содержании	242
Мухоморы	243
Свое добро	245
Сопоставления	246
Весенние ожидания	248
Последняя глава	249
С добрым утром	250

Александр Яковлевич Яшин
Избранные стихотворения

Редактор-составитель З. К. Попова-Яшина

Редактор В. К. Лиханова

Художники Г. Н. и Н. В. Бурмагины

Художественный редактор В. С. Вежливцев

Технический редактор Н. Б. Буйновская

Корректоры Н. К. Галкина, А. А. Фонтейнес

ГЕ00503. Сдано в наб. 18. 2. 1971 г. Подп. к печ. 18. 5. 1971 г.
Формат 70×90/32. (Бум. типографская № 1). Физ. печ. листов 8.
Усл. печ. л. 9,36. Уч.-изд. л. 7,837. Тираж 50 000. Заказ 1385.
Цена 1 р.

Вологодское отделение

Северо-Западного книжного издательства.

Вологда, Ветошкина, 37.

Областная типография, г. Вологда, ул. Калинина, 3.